

Мне нравится все, что пишет Элис!
Джоджо Мойес

ЭЛИС ПЕТЕРСОН ДЕВУШКА С ГЛАЗАМИ ЦВЕТА НЕБА

ВСЕ
БУДЕТ
ХОРОШО!

Все будет хорошо! Романы Э. Петерсон

Элис Петерсон

Девушка с глазами цвета неба

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Петерсон Э.

Девушка с глазами цвета неба / Э. Петерсон — «Эксмо»,
2007 — (Все будет хорошо! Романы Э. Петерсон)

ISBN 978-5-699-98601-9

Джози и Финн счастливы в браке, у них прекрасный сын Джордж, однако в последнее время их отношения дали трещину. Финн — хороший отец, но он слишком занят, и часто у него не хватает времени на семью. Джози переживает и злится на мужа, ведь все тяготы воспитания сына достаются ей. Поэтому, когда Финн предлагает родить еще одного ребенка, она не уверена, что хочет того же. За советом она обращается к своему лучшему другу Кларки, который всегда поддерживает ее в трудную минуту. И вообще в последнее время ее нередко посещают мысли о том, что было бы, выйди она замуж не за Финна, а за Кларки, и какой крутой поворот могла бы сделать ее судьба...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-98601-9

© Петерсон Э., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Элис Петерсон

Девушка с глазами цвета неба

Посвящается Элейн и Сью

Глава 1

Мои ноги озябли, и я вынырнула из сна. Крик сначала показался мне далеким, но потом я сообразила, что он звучал прямо возле моего уха.

– ВСТАВАЙ!

Неужели уже утро? Мы с Финном опять ругались полночи. Он не удосужился налить воды в кувшин с фильтром, да еще вдобавок оставил в раковине использованный чайный пакетик.

– Тебе что, трудно протянуть руку и бросить его в ведро? – орала я мужу, держа в руке коричневый комок. – Смотри! Вот как это делается! Раз – и он в ведре.

В общем, я превратилась в сварливую старуху, а ведь мне всего тридцать один год.

– Неужели нам больше не о чем поговорить, кроме несчастных пакетиков?

– А ты научись бросать их в ведро.

– Почему ты такая злая? У тебя что... скоро..?

– Заткнись. – Я не сказала Финну, что у меня задержка. Уже три дня. – И вообще, что там у тебя насчет ужина? Я умираю от голода. – Мы с Финном договорились, что раз в неделю, по субботам, готовит он.

– Я поджарю стейки, это быстро, – ответил он веселым, словно легкий ветерок, голосом.

– И картошку? – В последнее время меня тянет на картофель. Может, я и вправду забеременела? Финн не против еще одного ребенка. Он очень дружен со своим братом Эдом; они близнецы. Он, скорее всего, захочет, чтобы нашему шестилетнему Джорджу было с кем играть. А лично я остановилась бы на одном ребенке. Я вот одна у родителей и очень к ним привязана.

Впрочем, должна пояснить, что рядом со мной всегда был Кларки, соседский мальчишка. Он проводил все дни в доме моих родителей и был мне как старший брат. Без него мне было бы ужасно одиноко... Маленькая ручонка снова подергала мою хлопчатобумажную ночнушку.

– Мам, мой мозг больше не хочет спать, – сообщил Джордж. Финн вылез из постели и похвастался, что ему достаточно всего нескольких часов сна, как Маргарет Тетчер.

– Вставай! – снова заорал мне на ухо Джордж.

– Не ори! – сердито рявкнула я.

– Может, мы и стареем, но еще не оглохли, – сказал Финн сыну.

– У нас еще все впереди, – добавила я, зевнув.

Финн вытянул руки над головой, пошевелил плечами, захрустел костяшками пальцев. Так он делал каждое утро. Потом запел на знакомый мотив песенки Мэтта Бьянко «Вставай, лентяй, с постели». Джордж нерешительно подпевал. Я села в постели и потеряла глаза. У меня был странный привкус во рту и в желудке. А еще мне снился жутко странный сон. Как будто я выходила замуж за Кларки, а сочетал нас браком почему-то Финн. Он был в темной мантии с белым воротником, а все происходящее его невероятно смешило. Между нашими клятвами верности он ревел от смеха. При этом церемония бракосочетания проходила в корзине воздушного шара, и я боялась высоты... Я тихонько улыбнулась, вспомнив одну деталь: когда мы с Финном объявили о нашей помолвке, Кларк написал на поздравительной карточке все положенные по такому случаю пожелания, а потом крошечными, еле читаемыми буквами приписал внизу: «Запомни – в этом браке нас трое».

Я протянула руку к часам, пытаясь прогнать из головы этот сон. 7.19. Финн завязал нелепым узлом пояс на своем халате и чмокнул меня в щеку.

– Па, брось свой сексизм. – Наш сыночек скрестил руки на груди и нахмурился. Мы с Финном удивленно посмотрели друг на друга и рассмеялись. Где он только нахвтался таких выражений? Школа для него неисчерпаемый кладезь. Никогда не знаешь, какое выражение твой ребенок притащит сегодня.

– Мама сердится, потому что я сказал слово «секс», – сказал Финну Джордж.

– Ну, я думаю, мы с тобой должны побаловать ее хорошим воскресным завтраком, – предложил Финн, и они весело выскочили из спальни, словно ровесники. Джордж ухватился за отцовский пояс и прищелкивал языком, как бы погоняя лошадь.

– Но! Но! Пап!

* * *

Воскресным утром мне официально позволялось лениться. Финн и Джордж любили проводить выходные дни вместе, занимаясь своими «мужскими» делами. Это еще одно решение, которое мы с мужем приняли шесть месяцев назад. Ему нужно больше времени бывать с сыном. Они готовили завтрак, а потом Финн вел его на автомобильный «блошиный» рынок, где шла бойкая торговля всякой всячиной из багажника. Там уже знали и любили Джорджа, потому что он за считанные минуты тратил все свои карманные деньги на «выгодные покупки», как он это называл. Его даже прозвали вундеркиндом. В последний раз сын явился домой с чайником горчично-желтого цвета в форме дома.

– Гляди, мама, гляди!

Я открыла крышку. Чайник был полон паутины, а на дне валялись раздавленные мухи.

– Я заплатил всего десять пенсов, – похвастался Джордж. Потом он убрал чайник в тонкий целлофановый пакет и положил на пол в своей спальне вместе с другим хламом, купленным за последние недели.

Мне хотелось, чтобы у меня в выходные было больше времени на живопись. Мама рассказывала, что в детстве я не доставляла ей хлопот, потому что мне всегда хотелось лишь одного – сидеть за своим маленьким столиком с блестящей скатертью и рисовать звезды, людей, наших собак, хижины под соломенной крышей, пасущихся на лугу лошадей – словом, все, что я видела вокруг. Старую детскую Джорджа, отделенную от ванной белыми раздвижными створками, я превратила в свою художественную студию. Там стоял узкий стеклянный столик с серебристым ноутбуком для графического дизайна. Над ним я повесила небольшую полку с книгами по искусству и дизайну, фотографию Татьяны – Тианы, моей старинной школьной подруги, а рядом с ней большую зеленую лягуху с десятипенсовой монетой во рту. Считалось, что «мистер Фрог» приносил удачу в бизнесе. Я должна была целовать его каждое утро, а на ночь вынимать монетку из его рта, чтобы он отдохнул. Такому ритуалу научила меня Тиана, сама она следовала ему с религиозным рвением. А я часто забывала. На стене висело мое творение – органайзер на год, украшенный симпатичными серебристыми ракушками. Каждый день был отмечен аккуратными клеточками, обозначавшими встречи, на которых я должна присутствовать. Но больше всего я любила старый деревянный ящик с тюбиками масляных красок. Моя студия – это психотерапевтический кабинет. Если бы мне надо было охарактеризовать наш дом одним словом, я бы сказала «бедлам», но в этой комнате был мой собственный, упорядоченный мир, куда я не позволяла заходить даже Финну с Джорджем. Когда я садилась перед мольбертом, то с головой погружалась в работу. Ну, а сейчас я откинулась на подушку и раскрыла книжонку в мягкой обложке. На ее задней стороне было написано жирным шрифтом «увлекательно» и «захватывающе», и это вызывало у меня улыбку. За три недели я дочитала лишь до пятнадцатой страницы.

– Привет, Рокки, – услышала я голосок Джорджа. Рокки – это наша жесткошерстная такса, «собака-сосиска». – Не могу достать, па.

Наша кухня, с полками почти под потолком, была рассчитана на особей высокого роста. Джорджу приходилось залезать на стул и вставать на цыпочки, чтобы дотянуться до всего. Кастрюли и сковородки висели на релинге над плитой.

– Па, что мне теперь делать? – послышалось через некоторое время.

– Слезай, только осторожнее! – Я не позволяла сыну даже близко подходить к горячей плите. – Их нужно помешать еще разок. Только не слишком резко, запомни!

– Все готово, па.

– Нет, еще рано. – Я представила себе, как Финн показал Джорджу жидкую яичную смесь, как она капала с деревянной ложки.

– Можно я положу яичницу на тарелки?

– Она еще не ГОТОВА. – В веселом голосе Финна уже звучала досада.

– Пап, – позвал Джордж через секунду. – А теперь она готова?

– Джордж! Не позволяй Рокки лизать масло; прогони его со стола. – У меня как-то пропал аппетит. Рокки взвизгнул.

– Намажь маслом тост, это твоя работа. – Финн положил в тостер четыре куса зернового хлеба и опустил рычаг. Затикал таймер. Через двадцать секунд.

– Не нажимай... – остановил Финн сына.

– Готово. Гляди!

– Только с одной стороны. Давай-ка...

– Все!

– ...еще немного, – сказал Финн.

– Мама не заметит. – Я услышала, как Джордж уронил нож на пол и поднял его.

– Хватит масла. Ты помнишь, что я говорил тебе про холестерин? – спросил Финн.

– Скучное что-то.

– Слишком много жира портит сердце. – Финн у нас кардиолог.

– Скучно, – громко заныл Джордж.

– Ты намазал маслом только... ой, ладно, не важно. – У Финна, скорее всего, на лице появилась досада. – Осторожнее, – сказал он. – Оп-па! Ладно, это пускай съест Рокки. – Пес у нас ужасно разжирел, подъедая все, что падало с тарелки или изо рта у нашего сыночка.

– Я хороший повар, правда, папа? – спросил Джордж.

– Гордон Рамзи¹ гордился бы тобой. Вот так... Мама любит, когда тост намазан мармеладом.

– Она любит мармит и мармелад, а я люблю маму, – сказал сын.

– Я тоже. Джордж, ты испачкал все пальцы! – Финн устало засмеялся. – Теперь чем мы с тобой займемся, миссис Бурбон? – Мы прозвали сына «миссис Бурбон», потому что он любил бисквитное печенье с таким названием. А Финн у нас миссис Джемми Доджерс².

– Па, я хочу братика. Миссис Джемми Д, сколько ложек кофе?

– Три, милый. СТОП! – резко остановил Финн сына.

– Когда у меня будет братик? У всех в нашем классе есть, – заныл Джордж.

– Не жми так на плунжер! – В тоне Финна теперь звучало отчаяние. – Скоро, – ответил он на вопрос сына. – Сахар... бекон уже горит... Мы пытаемся делать сразу слишком много всего, верно, миссис Бурбон?

– Мне нужен братик, я не люблю девчонок.

¹ Знаменитый британский шеф-повар. Его фирменный ресторан Restaurant Gordon Ramsay, находящийся в Лондоне, имеет три звезды Мишлен.

² Нежное песочное печенье с джемовой начинкой из Великобритании.

- Они понравятся тебе, когда ты подрастешь, – засмеялся Финн.
- Почему?
- Ну, просто понравятся.
- Почему? – не унимался сын.
- Потому что жизнь без девочек все равно что... жизнь без печенья.
- Без печенья? – недоверчиво ахнул Джордж. – Мне такая жизнь не нравится.

Я люблю слушать их разговоры. Вот звякнула о раковину сковородка, под струей холодной воды зашипел горячий жир, пошел пар. Мне в ноздри ударил запах жареного бекона и яиц. К горлу подступила тошнота. Сейчас меня вырвет. Я бросилась в туалет, встала на колени возле унитаза, прижав руки к животу. Что я съела вечером? Прожарил ли Финн стейки? Не может быть, чтобы я забеременела...

Стаканы и кружки скользили по подносу, издавая звук, когда Джордж нес их наверх, в нашу спальню. Я рысью вернулась в постель, подложила под спину подушку и приняла величественную позу. Повернулась дверная ручка, снова застучала посуда на подносе.

- Осторожнее, Джордж, – предостерег сына Финн.

– Королева Джози! Завтрак прибыл, – позади них семенил Рокки. Лапы у него длиной около дюйма. Его часто принимали за большую крысу. Джордж сообщил мне, что я должна купить песику комбинезон из шотландки, чтобы он не мерз зимой.

– Восхитительно, – притворно воскликнула я, облизывая сухие губы, когда сын опустил поднос мне на колени. Полосатая пижама Джорджа была вся в пятнах от апельсинового сока и мармелада. – Столько всего я не съем, помоги мне. – Джордж решительно помотал головой.

- Мне нельзя. Я фрейлина королевы, – гордо заявил он.

Финн взял тарелку с яичницей и присел на свою сторону кровати. Джордж устроился между нами. Я сняла жесткий собачий волосок, коварно прилипший к моему тосту.

– М-м-м, – пробормотала я с наигранным удовольствием. – Вкуснотища! – Я отхлебнула чуточку кофе, прогоняя изо рта противный вкус рвоты. Кофе был темный, как лакрица, в нем плавали кофейные зерна. – Вы принесли салфетки? – спросила я у Финна, едва не задохнувшись.

– Сейчас принесу! – Джордж проворно вскочил, словно кролик, и побежал вниз, оставив за собой полоску липких крошек.

- Съешь это? – предложила я Финну, когда наш сынуля был далеко.

Финн помотал головой, и я запихнула угощение ему в рот. Мы засмеялись.

- Ешь!

– Джози! – Финн снова тряхнул головой. – Вообще-то, у меня небольшие проблемы с желудком.

- Правда? – с улыбкой спросила я.

- Спасибо за сочувствие.

– Вероятно, вчерашние стейки были того... несвежие. – Я с облегчением вздохнула. Конечно, вот и простое объяснение, почему меня подташнивает.

- Мне что-то не хочется идти с Джорджем на блошинный рынок...

- Не выдумывай! Ступай. Я встречаюсь с Тианой.

– Прикмен? – Финну нравилось произносить вслух ее фамилию. Тиана была готова выйти замуж за кого угодно, лишь бы сменить ее.

– Давай, Финн, ешь. – Мы с ним посмотрели на грязную тарелку и, стараясь не смеяться, отдали Рокки большой кусок тоста. – Да, кстати, мне понравилось, как ты сравнил жизнь без девочек с жизнью без печенья.

- А что ты скажешь о жизни без мужчин? – спросил Финн.

– Жизнь без мужчин это... – я сложила губы трубочкой, размышляя, – ...жизнь без погоды.

– Здорово, – без энтузиазма сказал он.

– Сам подумай. Если бы мы не могли говорить о погоде, нам вообще не о чем было бы говорить. А так жизнь все-таки получается более интересной.

Тут в дверь влетел Джордж с газетой в руках. Все, что лежало в газете, вылетело и рассыпалось по деревянному полу.

После завтрака Финн отнес поднос вниз.

– Мам! – закричал Джордж. – Погляди!

Я бросилась в его ванную. Что он натворил на этот раз? На нем были маска и ласты – чтобы нырять за сокровищами. Вокруг Джорджа плавали его игрушечные солдатики. Короче, это было очередное нормальное утро в доме Гринвудов. То есть для нас нормальное.

Глава 2

По-моему, о том, удачный ли у тебя день, всегда можно судить по тележке, которую ты выбрала в супермаркете. В тот день у моей тележки было сильно скошено колесо.

Я опаздывала.

Я схватила тележку не глядя. Днем, когда я забрала Джорджа из школы, его тоненькие руки были покрыты черными пятнами. Учительница миссис Майлз встретила меня у ворот школы и сообщила громким голосом (явно специально), что Джордж стащил в классе ее авторучку и выдавил из нее чернила на себя и на ее новую юбку.

– Я наказала его, – сообщила она под взглядами других мамаш, – и дала ему четыре черные тучки.

Если дети вели себя хорошо, они получали золотые звездочки на «хорошей стороне» карточки. Если шалили, тогда черные тучки на «плохой стороне».

Я улыбнулась – какое облегчение, что наказание было таким милосердным.

– Миссис Гринвуд, – хмуро сказала учительница; мне даже почудилось, что из ее ноздрей вырывался огонь. – К такому поведению следует относиться серьезно.

Теперь Джордж бежал впереди меня.

– Давай без драм и капризов. Ты можешь выбрать что-то одно – игрушку или сладкое, – предупредила я.

Прошла почти неделя... Может, у меня обычный стресс? Дни перед Рождеством всегда напряженные. Недавно я слышала, как одна из школьных мамаш сетовала, что все еще не испекла рождественский пирог, а в прошлом году забыла добавить туда ром. Самое интересное, добавила она под дружный смех...

Куда подевался Джордж? Я с беспокойством огляделась по сторонам. Потом услышала, как отодвинулась занавеска фотокабинки.

– Джордж! Иди сюда!

Почему я так переживала из-за нового директора в его школе? Он появится в январе. Учителя меня тоже беспокоили. Они не понимали моего сына, их не устраивало его поведение. Нет, так жить невозможно. Все только и говорят о внезапном уходе миссис Лидделл. У нее произошел нервный срыв.

У меня никогда не было задержки.

Да, у меня беспокойная работа. Я никогда не жаловалась, потому что мне она нравилась, но иногда она требовала много сил. Я работала в дизайнерском агентстве «Джем Комьюникейшнс», моего босса звали Руби Голд, она была очень энергичная и влиятельная, а еще она носила костюмы в тонкую полоску и пудрила лицо так, что к вечеру над ее верхней губой появлялись трещины, словно на глиняной маске. Руби была само обаяние, голос гладкий как карамель, но я знала – один мой неверный шаг, и придется искать другую работу. Я до сих пор помню, как она сидела в своем кожаном кресле, сияющие светлые волосы были аккуратно убраны за уши, сверкавшие бриллиантами, и говорила мне, что она ожидала от меня: «Сто десять процентов – всегда». Она только что наняла Натали, молодую девочку из Южной Африки. До этого мы работали у Руби, на верхнем этаже ее просторного минималистского дома. Но компания расширялась, в одной комнате стало тесно, и мы перебрались в современный офисный центр в Хаммерсмите. Если Руби пронюхает, что я беременна... Лучше и не думать об этом.

У меня всегда все случалось вовремя. Мои месячные приходили с такой же точностью, с какой Биг-Бен показывает время. Я достала свой список. «Я расцелую тебя, если ты купишь мне табак, «Джемми Д», и джин». Финн написал это утром на нашей кухонной «доске объявлений». Я попробую в этом году подготовиться к Рождеству. У нас почти вся родня жила

в Лондоне или неподалеку от него: мои родители, мать Финна с ее бойфрендом и, разумеется, его бабушка. Так что мне надо проявить, по примеру других школьных мам, чудеса организованности и приготовить рождественский пирог и пудинг. Я помню, как моя мама пекла пирог каждый год. Больше всего мне нравилось, когда она позволяла мне рыться в ее кожаной сумочке. Я искала там монетки, чтобы положить их во фруктовую смесь. Сумочка была восхитительным убежищем для губной помады и компактной пудры разных оттенков, а еще в мамином кошельке под молнией всегда было много мелочи, которой она платила за парковку. Я старательно заворачивала серебряные монетки в фольгу и мечтала, что все они окажутся в моем куске пирога.

– Мам, дай мне три фунта. – Джордж высунул голову из кабинки и показал мне язык.

– Так не годится, Джордж. Что значит «дай мне»? ВЫЙДИ оттуда!

– Пожалуйста! – Он тянул бледно-голубую занавеску то в одну, то в другую сторону.

Металлические кольца со скрежетом двигались по релингу. Потом сын сел на табурет и стал наугад нажимать на кнопки.

Маневрируя, я подкатила тележку к кабинке.

– Если ты немедленно не выйдешь оттуда, не будет тебе никакого «слаш паппи»³. – Финн как-то принес мне книгу под названием «Твой ребенок подражает тебе». Автор (ее веселая улыбка сияла с задней стороны обложки) сообщила мне, что я не должна прибегать к шантажу или подкупу, чтобы заставить ребенка хорошо себя вести; а если я прибегаю к таким сомнительным приемам, то я и сама ничем не лучше своего ребенка.

Джордж промчался мимо меня в отдел фруктов и овощей.

Я толкала свою тележку, и мне казалось, будто это не тележка, а огромный краб. Мне надо было принять решение – то ли сдаться и родить Финну еще одного ребенка, то ли настоять на своем.

Джордж скрылся из вида.

У меня никогда не бывало задержки.

Я вспомнила, как месяц назад звонила в регистратуру поликлиники. Как раз перед тем, как поехать на выходные к родителям в Дорсет. Ситуация была идиотская.

– К сожалению, миссис Гринвуд, сегодня у нас нет талонов. Пожалуйста, попробуйте позвонить завтра утром в восемь тридцать.

Я послушно позвонила утром. Занято. Я звонила, звонила и слушала одну и ту же мелодию, звучащую словно похоронный марш. Наконец, в 9.10 я дозвонилась. И что же?

– К сожалению, сегодня утром у доктора все занято. Пожалуйста...

– Но я сегодня уезжаю. Вы можете как-нибудь найти для меня окошко? Я сорок минут до вас дозванивалась.

– Сегодня утром невероятно много народу.

– Мне только выписать рецепт, – возразила я. – Больше ничего.

– Позвоните в два тридцать; возможно, доктор найдет для вас время во второй половине дня.

– А этим утром меня больше никто не может принять?

Я услышала стук клавиатуры.

– Нет, все занято. Сейчас много больных. Эпидемия.

– Какая идиотская система!

Сотрудница регистратуры обиделась.

– Все ваши замечания вы можете оставить на сайте поликлиники.

³ Slush Puppy – сладкая вода с льдом.

* * *

Я улыбнулась, вспомнив тот вечер в родительском доме. Мама с папой и Джордж отправились спать, а мы с Финном еще сидели на кухне возле окна, на удобном диванчике. Это мое любимое место, где я всегда чувствовала себя комфортно. Я положила ноги на колени мужа и взяла первый попавшийся глянецовый журнал. Финн тут же вырвал его из моих рук.

– Эй! Я его читаю, – возмутилась я.

– «Как добиться максимального эффекта от оранжереи», – прочел Финн вслух и тут же захлопнул журнал. – Впрочем, Джози, у нас ведь ее нет.

Я пожала плечами.

– Мы построим оранжерею, когда переберемся за город. Я буду выращивать томаты.

Финн всегда был дитя города. По его словам, он испытывал панический страх перед зелеными долинами и лесами.

Потом он неторопливо расстегнул молнию на моих черных сапожках и ласково погладил мои ноги. На мне были черные колготки с ромбовидным узором. Он массировал мне икры, поглядывая на меня.

– Не останавливайся, – попросила я, откинувшись на спинку дивана.

Его ладонь двигалась все выше по внутренней стороне моей правой ноги. Вдруг хлопнула дверь родительской спальни. Мы затаили дыхание и переглянулись, снова почувствовав себя подростками. Я приложила палец к губам. Под отцовскими шагами закрипели ступеньки, потом половицы в коридоре. Я знала, что это был папа, потому что шаги были более тяжелыми и размеренными, чем мамины. Между тем моя юбка задралась до бедер; руки Финна гладили мне ляжки и стягивали с меня колготки. Я выгибала спину, извивалась, помогая ему. Мы снова услышали шаги. Папа поднимался по лестнице в спальню.

– Не забудьте выключить потом свет, когда пойдете спать! – крикнул он с верхней площадки...

– Не забудем, – крикнул в ответ Финн и с преувеличенной лихостью швырнул на пол мои колготки. Я громко рассмеялась, вспомнив об этом.

– Ма-а! Почему ты смеешься? – спросил Джордж, дергая меня за рукав.

– Ничего. Принеси коробку молока с зеленой крышкой и сырную соломку, ладно? – Я снова погрузилась в свои мысли.

Я вспомнила, как заняла более удобную позу, лицом к Финну, и расстегнула его ремень. Он выскользнул из петель на джинсах и упал на пол. Я подняла руки, и Финн стянул с меня свитер.

– Твоим колготкам скучно и одиноко на полу, – шепнул он и посмотрел на мой поношенный лифчик, нуждавшийся в замене. – Вообще-то, ты могла бы надеть ради меня что-нибудь красивее. А этот надо скорее снять и выбросить...

Джордж подбежал ко мне без молока. Вместо этого он с восторгом сунул мне под нос компакт-диск – «Лучшее от Кайли». Еще он пытался удержать в руках сникерс, пакет с чипсами и шербет.

Я покачала головой.

– Это четыре покупки. Я разрешила одну.

Он бросил их в тележку.

– Я хочу все!

Я вынула сникерс и Кайли. Хотя Кайли мне нравится... – может, оставить? Нет, одернула я себя. Джордж выхватил у меня диск и снова бросил в тележку.

– Нет, – отрезала я, стараясь, чтобы мой голос звучал негромко и спокойно. Мимо прошел мужчина. Он что-то проворчал насчет избалованных в наши дни детей.

– НЕТ, ДЖОРДЖ! – резко и громко сказала я.

Сын заплакал. Можно было подумать, что я переехала тележкой Рокки и вернулась, чтобы полюбоваться на ущерб. Снова вокруг косые взгляды и неодобрительные возгласы.

«Не обращайтесь внимания. Если ваш ребенок устраивает суицид из-за сладостей, не идите у него на поводу», – советовала в своей книжке писательница.

Джордж пошел вразнос; слезы ручьем лились по его щекам.

– Я хочу диск с Кайли. Там есть песня «Локомоушн».

– Ладно, Кайли мы оставим, но это означает, что не будет сладостей.

– Но я хочу шербет! – продолжал ныть сын.

На нас оглянулась какая-то женщина. Вокруг нас с Джорджем уже собиралась толпа зевак, словно при автомобильной аварии.

– Я съем это не сразу, – настаивал сын, глядя на меня с мольбой. – МАМ, Я ХОЧУ ВСЕ!

Мне стало нехорошо. Снова меня преследовал этот навязчивый запах кофе.

– Ладно, бери все. – У Джорджа мгновенно высохли слезы, а на лицо вернулась улыбка, словно нарисованная чьей-то неторопливой рукой. Я продолжала толкать тележку.

– Моему папе нравится «Джемми Доджерс», – сообщил Джордж одной из продавщиц, когда мы пришли к полкам с печеньем. Он схватил пять пачек; еще пять упали на пол. Извинившись, я схватила его за руку и велела держаться за ручку тележки. Мне в ноздри бил запах кофейных бобов и теплого белого хлеба, свежего, только что из печи. Я закрыла глаза.

– Ма! – Наша тележка врезалась в стеллаж с кондитерскими товарами. Туда, где можно было самым взвешивать сладости. Разумеется, Джордж тут же с жадностью запустил руку в одну из коробок.

– Она что, не в себе? – неодобрительно пробормотал кто-то.

Я не могла пройти через все это еще раз. Я хорошо помнила, как маленькие ручки Джорджа цеплялись за прутья детской кровати, как он тряс ее и орал так, словно я посадила его в клетку. Я родила не ребенка; это был дикий зверек, превращавший мою жизнь в ад. Сейчас я люблю Джорджа, но тогда...

Иногда я просто видеть его не могла.

Он вывинчивал прутья из кровати.

Открывал окна. Пытался выпрыгнуть из них.

Пролил эмульсионную краску на новый ковер.

Отрывал от стены обои; срывал занавески. Снимал ручной тормоз. ДТП. Нас извлекали из автомобиля. Вызывали полицию.

Нет, я не хочу пройти через это еще раз. Не хочу и не буду. Я хочу жить нормальной жизнью. Хорошей жизнью! Я не хочу возвращаться в те дни.

В тележку падали сладости. Внезапно Джордж превратился для меня в абстрактную фигуру. Я хотела сказать ему, чтобы он перестал, но слова присохли к глотке.

– Ваш ребенок ужас что натворил, – сказала продавщица. – Почему вы не смотрите за ним?

– Никакой дисциплины в наши дни не стало, – сказал один из покупателей.

Я навалилась на тележку. У меня в голове стучал молот.

– Мне плохо... – только и смогла пробормотать я.

– Эй, кто-нибудь! Позовите врача! – закричала продавщица.

– Мамочка! Мам, прости. Я положу конфеты обратно. – Джордж ползал по полу. Я слышала голоса, но не могла сфокусировать взгляд на лицах.

У меня участилось дыхание. Мне стало жарко, закружилась голова. На лбу выступил пот.

* * *

Джордж ползал по дому, ломая все, что попадалось ему под руку.

Мы с Финном спорили.

Бессонные ночи.

Он обжег руку на огне.

Несчастный случай и «Скорая».

Антидепрессанты.

Мне сказали, что я плохая мать.

Я подумала, что я чудовищная мать.

И вот я снова не буду вылезать из выцветшего красного халата.

Конец моей карьеры.

Конец моей жизни.

* * *

Я всхлипнула. На мое плечо легла чья-то рука. Лысеющий мужчина с большим бейджем на белой рубашке протянул мне стакан воды. Я с благодарностью взяла его.

– Не хотите ли присесть? – спросил он. – Там за контролем скамейка.

Я выпила воду одним глотком. Живительная влага подействовала на меня, как шпинат на морячка Попая, героя комиксов. Нет, надо взять себя в руки и все выяснить до конца. Я выпрямилась.

– Спасибо большое, – пробормотала я, отдавая стакан. – Но я уже пришла в себя. Все нормально.

– Будьте осторожны, – сказал мужчина.

Джордж бежал рядом со мной. Он снова схватил с полки что-то ненужное.

– Перестань хватать что попало, или я расскажу обо всем отцу, – строго пригрозила я. *«Старайтесь не ссылаться на своего партнера; всегда полезнее своими силами справиться с кризисной ситуацией, чтобы добиться уважения вашего ребенка...»*

– Я расскажу Финну, и он запретит тебе неделю пользоваться компьютером. – Джордж присмирел. Видно, вспомнил про игру «Виселица», которой он тогда лишится. Я направилась к аптечным полкам; в моей походке появилась решительность.

Я взяла комплект теста на беременность. Точнее, три штуки.

Моя тележка так и норовила ехать совершенно не туда, куда мне нужно. А мне нужно было благополучно довести ее до моей машины. Я наклонилась и попробовала выправить страшно перекосившееся колесо. За моей спиной бешено засигналил автомобиль, и я от неожиданности выпустила тележку из рук.

– ДЖОРДЖ! – заорала я, увидев, что мой сын оказался прямо перед красным капотом. Водитель с яростным лицом опустил стекло.

– Господи, женщина! Почему вы не смотрите за вашим сыном?

– Простите меня, ладно? – Слезы жгли мне глаза, будто крапива. Моя тележка выехала на середину дороги, заблокировав водителю выезд. – Джордж, иди сюда! – Он помчался ко мне так быстро, что зацепился ногой за выбоину в асфальте и упал. Он заревел. Я бросилась к нему. Его ободранная коленка кровоточила.

– Боже мой! – орал мужик.

Я помогла сыну подняться и вытерла грязь с его колена. Отыскала в сумочке носовой платок и промокнула кровь.

– Я не виноват, – уверял меня он. Слезы лились по его щекам. – Больно, ма.

– Женщина, уберите тележку. Я тороплюсь.

Другие покупатели с тележками останавливались и таращили на нас глаза.

– Хватит орать, – сказала я краснолицему водиле. – И хватит называть меня «женщина».

Я не могла контролировать собственного сына. И никогда не смогу. Я не могла контролировать даже свою тележку! Я решительно схватила Джорджа за руку и велела ему не отходить от меня. Впервые за тот день он послушался.

* * *

– Никогда, никогда не переходи через дорогу, не поглядев по сторонам, – сказала я Джорджу, когда мы приехали домой. В машине сын не стал бы меня слушать. Зажав ладонями уши, он гудел так громко, что я с трудом слышала свой голос. – Остановись. Посмотри направо. – Я показала ему. – Потом посмотри налево. Посмотри перед собой и реши, безопасно ли это. Я накричала на тебя, потому что испугалась. Я очень люблю тебя, и мне не хочется, чтобы тебе было больно. – Я схватила Джорджа за коленку и ухитрилась наклеить пластырь на ссадину и даже быстро чмокнуть сынулю в лоб, прежде чем он вывернулся из моих рук и сполз со стула.

Он убежал наверх, к себе в спальню, захлопнул дверь и включил на полную громкость музыку. Через несколько минут я поднялась к нему. Джордж, свернувшись калачиком на кровати, сосал большой палец, а носом уткнулся в уголок бледно-голубого детского одеяла. Страдалец Рокки с трудом дышал, крепко прижатый к груди хозяина; его большие глаза едва не вываливались из орбит. Джордж вдыхал успокаивающий запах одеяла. Он прозвал его «Бэби», потому что оно путешествовало с ним всюду с самого его рождения. Он даже брал его в школу, спрятав в физкультурной сумке. Я помню его панику, когда он однажды не взял с собой «Бэби». Я везла тогда Джорджа в супермаркете в коляске и никакими словами не могла его утешить. Потом он затих. Мы стояли в очереди в кассу, он схватил женскую шерстяную юбку такого же бледно-голубого цвета, как и «Бэби», прижал ее к носу, закрыл глаза, и его страдания мгновенно прекратились.

Я направилась к себе в спальню, держа в липких от волнения руках коробочки с тестом на беременность. Я хотела все выяснить до того, как Финн вернется домой. *«Когда вы узнаете о своей беременности, это всегда радостный и волнующий момент для вас и вашего партнера»*, – прочла я на задней стороне упаковки.

Я сделала тест и молилась.

Полоска посинела.

Я повторила еще раз. Тщательнее.

Снова синий цвет.

Я села к столу и написала электронное письмо Эмме, моей подруге по СДВГ⁴. Я познакомилась с ней на сайте поддержки родителей детей с СДВГ. В пятилетнем возрасте Джорджу поставили диагноз «синдром дефицита внимания и гиперактивности». У Эммы был семнадцатилетний сын Нэт с этим синдромом. Она гордилась им, потому что он стал стажером в транснациональной компании «Бритиш Газ».

⁴ Синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ).

Дрожащими пальцами я напечатала: *«Эмма, если у меня родится второй ребенок, какие шансы, что у него или у нее тоже будет синдром СДВГ? Я боюсь. Я только что узнала о своей беременности. Ген ведь сильнее у мальчиков, правда?»*

* * *

Дождаться ее ответа у меня не было сил. Я схватила мобильный и набрала номер Кларки.

- Слава богу, ты здесь, – сказала я, когда в трубке раздался его голос.
- Что случилось? – встревоженно спросил Кларки.
- Ты можешь говорить?
- Что, прямо сейчас?
- Да, – чересчур резко ответила я.
- Нет, я иду на репетицию.
- Ой, тогда ладно. – У меня на глазах выступили слезы.
- Что-то случилось? – все же уточнил Кларки.
- Много всего. Сегодня Джордж чуть не попал под машину.
- С ним все в порядке?
- Он спит у себя, – ответила я.
- Но ведь это не то, о чем ты хотела поговорить, верно?
- Я беременна.
- Я скоро буду.
- Но как же твоя репетиция...
- Не столь важно, – перебил меня он.
- Спасибо, Кларки. – Я почувствовала облегчение. – Не знаю, что бы я без тебя делала.

В почте появилось послание от Эммы. *«Джоззи, прежде всего прими мои поздравления, хотя я понимаю, почему ты испугана. Этот синдром встречается в два с половиной раза чаще у мальчиков, чем у девочек. Вероятность существует всегда, но ты старайся не волноваться. Хотя, ясное дело, говорить это легче, чем делать...»*

Я вернулась в спальню и лицом вниз легла на подушку. Иногда мне хотелось отмотать время назад и вернуться в те беззаботные дни. Будь у меня волшебный ковер, я бы улетела в мир, где нет ответственности. Нет страха. Нет Джорджа. В мир пиццы с пепперони и теплого пива, где я проводила ленивые дни на берегу реки и пила кофе в захудалых кафе.

Где были только Финн и я.

И Кларки.

Глава 3

Я познакомилась с Финном в восемнадцать лет в Кембридже. День поначалу не предвещал ничего необычного; я мыла в ресторанчике стаканы и рюмки, накрывала столы, меняла цветы на свежие, подливала оливковое масло в бутылочки, писала на доске «блюда дня». Короче, я была слишком занята, чтобы мечтать о романтической встрече; мое лицо покраснело от жарких печей на кухне, а ноги болели от непрестанной беготни, при этом я еще старалась держать в памяти все, что заказывали клиенты. Как говорится, когда ждешь, никогда не дождешься. Не ждешь, не глядишь, и твоя судьба войдет в дверь.

Мы жили в Кембридже вместе с Кларки, нашим давним соседом. Когда мы росли, он был мне как брат. После моего рождения мама больше не могла иметь детей и вместо этого решила заняться собаками. Она купила эльзасскую овчарку по кличке Молли и метиса по кличке Тинкер, помесь джек-рассел-терьера с бассетом. У Тинкер была крепкая грудь и короткие передние лапы. Мама таскала нас на прогулки.

Настоящее имя у Кларки было Джастин Кларк, но я звала его Кларки. В школе он был популярной личностью, но все же отличался от других ребят. Те любили футбол и спорт – он тоже любил; но Кларки был еще и блестящим музыкантом. В четыре года он начал играть на скрипке. А сама я в четыре года только-только научилась нормально говорить. Впрочем, он не считал себя вундеркиндом.

– В четыре года я не относился к скрипке серьезно, – объяснял мне Кларки, пренебрежительно морща нос. – Я начал играть по-настоящему только в семь лет.

Его отец, чернородый и свирепый коротышка, заставлял Кларки играть каждый день не меньше двух часов. Его отец был из тех, кто не выпускал из рук длинную деревянную линейку и в случае провинности немедленно лупил ею по пальцам. Когда я была маленькой, я не любила ходить к Кларки на чай, потому что меня ругали, если я горбилась, сидя на стуле. Не смела я и поставить локти на стол. Отец Кларки играл на флейте, а мать была оперной певицей, поэтому неудивительно, что они хотели направить сына по проторенной дорожке. У моих родителей работа была не такой интересной. Когда я была маленькой, мама сидела со мной, а когда я пошла в школу, она стала сдавать жилье с завтраком. До замужества она была секретаршей у эксцентричного ученого, который устроил лабораторию у себя в саду в сарае. Мой отец был юрисконсультom и выглядел очень солидно в темном костюме и лакированных ботинках. Впрочем, став старше, я видела его редко. Он перебрался в Лондон, жил в рабочие дни у сестры и приезжал домой вечером в пятницу, усталый и раздраженный. К воскресенью отец снова становился прежним добрым папой, смеялся и шутил. Сидя за кухонным столом или в саду, он вырезал из дерева разные фигурки. Это была его страсть. Он соорудил мне дом на дереве, где я просиживала часами, рисовала и писала красками. А в воскресенье вечером папа снова возвращался в «большой дым», как он называл Лондон. «К концу недели Лондон вытягивает из тебя все соки», – сетовал отец.

Кларки был в нашей школе мини-знаменитостью. Его имя часто звучало на школьных собраниях. Как-то раз наша директриса, всегда ходившая в платье сливового цвета, сияя от гордости, сообщила, что мы все должны поздравить Джастина, потому что его приняли в Королевскую академию музыки, в младшую группу. Каждую субботу он отправлялся на поезде в Лондон, в приличных брюках, белой рубашке, застегнутой на все пуговицы, и в клетчатом джемпере. Он всегда брал с собой коричневый кожаный портфель с нотами. Мне нравился его запах. Я жадно нюхала его.

– Джози, ты с ума сошла! – говорил Кларки, пытаясь забрать его из моих рук.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – спросила я его однажды.

– Я хочу жить в Кембридже, как мой дед, и читать лекции о музыке. А ты?

– Я хочу стать художником как... Микеланджело! Или Леонардо да Винчи, тоже неплохо.

– Он изобрел летательный аппарат.

– Да. Я хочу стать таким, как он.

Кларки считался «учительским любимчиком»; но, удивительным образом, это не раздражало остальных ребят, потому что он не задира нос и не гордился своими успехами. Мне кажется, его скорее смущало такое внимание. Все, не только я, восхищались им. Я замечала, как на уроке математики он смотрел в окно, и я догадывалась, что он смотрел куда-то в свой собственный мир. Мне всегда хотелось узнать, о чем он думал. В любом случае, мне казалось, что его мысли были загадочными и интересными по сравнению с моими туманными мыслями о том, что случится в следующем эпизоде сериала «Даллас». У Кларки были светло-серые глаза, аккуратный, тонкий нос и светлые кудри, пушистые после мытья. «Он похож на мальчика из ангельского хора, – говорила мама, – и всегда помогает мне мыть посуду».

Впрочем, идеальным другом он не был. В десятилетнем возрасте он прошел через странную фазу – перестал разговаривать со мной в классе. Мы ездили в школу на большом автобусе с клетчатыми лилово-красными сиденьями, и он садился не со мной, а сзади, с другими мальчишками, а я сидела с Татьяной Прикман, бледной, худенькой, с яркими голубыми глазами; кажется, она все время тосковала по дому. Ее длинные светлые волосы были заколоты над ушами зелеными пластиковыми зажимами. А мои волосы были подстрижены под горшок. Я так никогда и не простила маму за это, а она утверждала, что это самая практичная стрижка, что за ней легко ухаживать. Татьяна была помешана на гимнастике. Она могла гнуть как угодно свое тело, она буквально летала над матами, делала кувырки, сальто, кульбиты, тогда как остальные ученики осилили лишь стойку на руках и кувырок вперед. В школьном автобусе мы с ней почти не разговаривали. Она всегда сидела, скрестив на груди руки, словно защищаясь от любого вторжения в ее мир.

Я не могла понять, почему Кларки не желал общаться со мной в школе, ведь мы так весело играли с ним в выходные. Мы наблюдали за мамиными постояльцами с верхней площадки лестницы сквозь балюсы. Там был японец, который терпеливо учил нас оригами. И еще была богатая американская пара, которая никак не могла справиться в туалете с нашей старинной цепочкой. Мы с Кларки слушали, как они тянули за нее, дергали, и все без толку. Мы хихикали, глядя, как мама с папой по очереди стояли возле двери и инструктировали американцев: «Тяните! Отпустите!»

– Как-то неловко подавать им теперь глазунью, – смеялся папа, сбега по лестнице; при этом у него всегда звякала мелочь в кармане брюк.

Папа называл нас «Джастин-и-Джози».

– Вы как две горошины из одного стручка, – говорил он. – Он мне стал как родной сын. Хоть посылай его родителям счет за съеденную у нас еду.

– Почему ты не разговариваешь со мной в школе? – пристала я к Кларки однажды в воскресенье, когда мы пели и танцевали у нас в гостиной. Я нарядилась Мадонной; на мне были черные кружевные перчатки, которые я нашла в ящике маминого шкафа, и старая замшевая мини-юбка розового цвета. Кларки был Фредди Меркури; он надел одну из гавайских рубашек моего папы, но на Фредди совсем не походил.

– Почему? Я разговариваю с тобой, – солгал он, прыгая на диване; в руках он держал старую сине-белую теннисную ракетку фирмы «Слазэнджер», изображая из нее гитару.

– Нет, не разговариваешь. – Я ковыляла в высоких, до колена, маминых черных сапогах.

– Разговариваю, точно.

– Нет, не разговариваешь. – Я подбоченилась. – Когда-нибудь, Кларки, меня не будет рядом с тобой, и ты пожалеешь об этом.

- Куда ты денешься? – засмеялся он.
- Ну... просто не будет. – Я гордо вскинула подбородок и, драматично фыркнув, отвернулась от него.
- Ты умрешь? – встревоженно спросил он.
- Нет, глупый. Просто я, возможно, буду играть с кем-нибудь еще.
- Кларки перестал прыгать.
- Никто из ребят не разговаривает в школе с девочками, – сказал он. – Так уж получается. А не из-за того, что ты мне не нравишься.
- Тогда докажи мне это, – потребовала я.

* * *

И вот в один прекрасный момент я решила, что буду любить Джастина Кларка всегда. Помню, с каким ужасом я вошла однажды утром в школьный автобус в странном ортодонтическом уборе с толстыми черными эластичными полосами и проволокой, продетой сквозь крючки, торчавшие у меня меж зубов.

Я села возле Татьяны, зная, что она ничего не скажет, но даже она ужаснулась, прижала руку ко рту и громко спросила:

– У-у-у, больно?

Я удивленно посмотрела на нее, наслаждаясь ее сочувствием.

– Убийственно. Я и ночью должна в этом спать.

Мы сидели на переднем сиденье, на одном уровне с водителем, толстяком Терри.

– Вы видели Джози? – спросил кто-то из мальчишек. За вопросом последовал взрыв хохота. Я напряженно сидела, глядя вперед. Сзади слышались чьи-то шаги. У меня учащенно забилось сердце. Перед моим лицом появилась прыщавая физиономия. Это был Кевин, вожак стаи.

– Ты можешь целоваться в этой штуке? Давай попробуем? – Сзади раздался новый взрыв смеха. – А ты еще целка? – не унимался он. Терри велел ему вернуться на свое место, но Кевин оставил его слова без внимания. Я колебалась, раздумывая, как ему ответить.

– Конечно, нет! – прошепелявила я наконец.

– Она не целка! – крикнул он мальчишкам.

– Заткнись, Кевин, – заорала на него Татьяна. – Уматывай в свою вонючую нору. – Я удивленно, почти с завистью посмотрела на нее.

– Что ты сказала, Прикман?

– Она сказала, чтобы ты заткнулся и отваливал, – крикнула я ему, осмелев.

– СЯДЬ! – заорал Терри, глядя одним глазом на нас, другим на дорогу. Автобус завилял, заскрипел колесами по бетону. Сзади снова слышались шаги. Кевин схватился за лямку моего ранца и резко дернул.

– Кевин, оставь Джози в покое. – Я повернула голову. Там был он. Кларки. Мой герой. Я улыбнулась ему проволочным ртом, а он улыбнулся в ответ. Я светилась от счастья. Вот это настоящая любовь. Но одновременно мне не давал покоя новый вопрос.

– Кто такая целка? – шепнула я Татьяне, когда мальчишки ушли на свои места.

– Глупая, это когда она еще не занималась сексом. Ну, понимаешь, не целовалась с мальчиком и все такое. Джастин хочет тебя поцеловать, – добавила она и больно двинула меня в живот своим костлявым локтем.

– Нет, не хочет! – возразила я, но у меня все равно сладостно защемило сердце, и я чуть не задохнулась от счастья.

– Я могу рассказать тебе про секс, – сказала она, скорчив загадочное лицо. – Я видела, как мои родители занимались этим.

В тот день Татьяна Прикман стала моей лучшей подругой. Она сообщила мне, что всегда держалась замкнуто и тихо, потому что окружающие считали ее странной.

– У тебя есть друг-невидимка? – спросила она однажды. Я ответила, что да, есть, что его зовут Каспер и он носит зеленую бархатную шапочку.

– Он твой ангел-хранитель, – подтвердила она. – Какой у тебя знак?

– Не знаю.

– Вот я по знаку козерог, горная коза. Да, кстати, зови меня Тиана.

Тиана научила меня игре, которая помогала определить, сильно ли Джастин Кларк любит Джози Мейсон. Оказалось, что только на двенадцать процентов.

– Глупая игра, – заверила она меня. – Ты ему точно нравишься.

Но она ошибалась. Мы никуда не ходили вместе с Кларки. Увы, он стал дружить с Розы, тихой как мышка. Сгорая от ревности, я наблюдала, как они сидели вместе за столом, передавали друг другу записочки или обменивались загадочными взглядами.

– Почему ты не дружишь со мной? – спросила я однажды.

– Ты мне как сестра!

Вот я и стала дружить с Кевином. Оказалось, что в тот раз он неспроста прицепился ко мне – я давно ему нравилась.

* * *

В Кембридже жил мой богатый дядя. Когда мы с Кларки закончили учебу в школе, он пустил нас в свой дом. Сам он отправился на три месяца в путешествие вокруг света. Мы поливали анютины глазки на окнах, пересылали ему почту, вытирали пыль, пылесосили ковры и за это жили бесплатно. Его дом стоял на окраине города.

Нам с Кларки нужно было заработать денег, купить билеты и поехать по Европе. Я хотела побывать в Барселоне, Мадриде и Париже; Кларки мечтал о Венеции. Он работал в музее Фицуильяма, его взяли туда до Рождества. Его работа состояла в том, что он раскладывал на полках открытки и сидел на кассе.

Я нашла работу в итальянском ресторане под названием «У Момо». Он находился напротив Королевского колледжа на улице, примыкавшей к Кингс-Парейд. Ресторанчик был маленький и захудалый. В нем пахло мышами (хотя я их ни разу не видела), а стены были покрыты какими-то мелкими кристаллами, словно своды горной пещеры. Но по вечерам в нем появлялась романтика, когда в бутылках зажигали белые свечи, и воск стекал по темно-зеленому стеклу. Блюда были простые, щедро сдобренные чесноком и перцем. В зале всегда было полно шумных студентов. Момо, с его черными волосами и кустистыми бровями, смахивал на гигантского медведя.

– Джози! – прорычал он однажды на весь ресторанчик.

– Что?

– Погляди-ка. Что тут не так?

Он стоял возле деревянного стола, накрытого на четыре персоны. Ножи и вилки лежали на своем месте. Бутылка полна оливкового масла. Меню вставлено в ломоть хлеба в центре столешницы.

– По-моему, все на месте. Я не вижу никакой ошибки.

– А ты погляди хорошенько, – буркнул Момо.

К нам подошел другой официант, Мики.

– Поглядите на подставки! – приказал Момо, яростно сопя. Он только что вернулся из Италии и привез новые подставки. Этот столик украшали Понте Веккио и венецианские гондолы. – Пизанская башня перевернута! – сообщил он, яростно жестикулируя. – Не смейтесь!

– Вот теперь у нее правильный угол наклона. – Мики подмигнул мне. Он был старше меня на год, работал у Момо шесть месяцев и всячески опекал меня.

– Теперь хорошо, – кивнул Момо уже благодушно и направился к другим столикам. – Кстати, – обронил он на ходу, – сейчас у меня деловая встреча. Один студент хочет снять нижнюю комнату для музыки.

– Для музыки? – заинтересовалась я. – Как это?

Момо упрямо помотал головой, словно говоря – не задавай вопросов, подожди и сама все увидишь.

* * *

В дверь вошли трое студентов. Я была на кухне, заправляла кофемашину, чтобы потом быстро варить капучино. Я всегда старалась приготовить все заранее, прежде чем начнутся «горячие» часы ланча.

Заскрежетали отодвинутые стулья. Я заглянула в щелку и увидела парня, который вошел в зал с деревянным стулом, повернул его и сел лицом к спинке. Парень был одет в худи с капюшоном, темные джинсы и кроссовки. Мне захотелось увидеть его лицо. Ну, сними капюшон, давай, что ты прячешься? И он как будто услышал меня, потому что так и сделал, но прежде огляделся по сторонам, словно почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Я отшатнулась от двери, но тут же снова приникла к щели. У парня были темно-русые волосы; осветленная перекистью прядь падала на лоб. Из-за пояса джинсов выглядывали клетчатые боксерские трусы и полоска голой кожи. Парень махал рукой, говоря, что нижняя комната у Момо – как раз то, что нужно.

Подслушивая, я узнала, что студенты учились на втором курсе и считали, что ночная жизнь Кембриджа нуждалась в серьезном оживлении. Парня в толстовке звали Финн.

– Во всем городе только одна дискотека, – сетовал он, – да и та дохлая. Момо, я не думаю, что нам будет сложно привлечь сюда толпу. – Держался он уверенно, говорил убежденно. Подставку с пизанской башней он обвел несколько раз пальцем, потом подбросил ее в воздух. Мне захотелось предупредить его, чтобы он оставил ее в покое.

– Успокойся, парень, и дай-ка мне подставку, – недовольно буркнул Момо.

Вместо этого Финн стал топтать ногой под столом. Им требуется площадка для встреч, где продается спиртное, объяснил он. У них есть свои столы и все необходимое, осталось только нанять кого-то, чтобы он брал деньги за вход и гардероб. По их планам, клуб будет открыт раз в неделю, по четвергам. Входная плата для студентов из Кембриджа три фунта, для всех остальных пять.

Момо отвел их вниз. Помещение было обшарпанное, с темными стенами, в нем пахло плесенью; там могло разместиться человек сто двадцать. С потолка свисала паутина. Но что-то во всей этой затее было. Идея мне понравилась. Каждый четверг в ресторанчике будут собираться студенты, покупать пиццу и выпивку, а потом спускаться вниз и танцевать.

* * *

– Мики, одна лазанья, одна пицца с моцареллой и томатами, одна с анчоусами и оливками.

Я передала ему заказ и понесла напитки из бара, который находился в задней части ресторанчика, прямо перед кухней. Теперь я могла хорошенько разглядеть всех студентов. Там были два парня, один из них черный, с дредами и красивым, мужественным профилем. Его имя было Кристиан, но друзья называли его Кристо. Он выглядел так, словно каждый день играл в жесткий, изнурительный теннис на кортах с грунтовым покрытием. Финн был

выше него, но казался более хилым. Вероятно, он не любил физические упражнения и предпочитал щелкать пультом по телевизионным каналам. Рядом с ним сидела стильная блондинка в черном, хорошенькая, холеная, из тех, кто безупречно выглядит даже на фотографиях для паспорта. Я заподозрила, что она одолжила Финну свою перекись для осветления волос. Звали ее Доминик.

Момо подозвал меня.

– Бутылку красного, – сказал он, – и четыре бокала.

Финн посмотрел на меня и прищурил глаза, словно он видел мое лицо раньше и теперь пытался связать его с каким-то именем. Возле его левого глаза был еле заметный шрам. Мне захотелось спросить, откуда он.

– Давай-давай, Джози, – нетерпеливо поторопил меня Момо, глядя на меня, потом на Финна. Я вернулась с бокалами и вином, открыла бутылку. Кристо сделал глоток.

– Неплохое, – буркнул он, даже не поблагодарив. – Ну, как мы назовем клуб?

– Какая претенциозность, – еле слышно пробормотала я и, схватив со стола меню, направилась прочь.

– Эй, извини! Что? – крикнул Финн.

Я продолжала идти, не оборачиваясь.

– Девушка! Официантка! Что ты сказала?

Я остановилась и оглянулась, затаив дыхание.

– Ты считаешь, что мы слишком претенциозные? – спросил он. В его глазах сверкал восторг оттого, что он меня остановил. А я не могла оторвать взгляда от этих карих глаз. Я чувствовала, что за ними крылась целая судьба.

В ожидании ответа он закатал рукава. Наши взгляды сомкнулись. Он носил на запястье плетеный кожаный браслет. И вообще, вся его брутальность показалась мне какой-то неубедительной.

– Ладно тебе, Финн, – сказала Доминик, дотронувшись до его плеча. Он стряхнул ее руку.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Джози, – ответила я, видя, что он настроен мирно.

– Приятное имя.

– Нам нужно поговорить о деле, – напомнил ему Момо и махнул мне рукой, чтобы я убиралась прочь.

– Так как же нам назвать наш клуб, как ты думаешь? – громко крикнул Финн мне вслед. – Джози?

Сидевшие за столом дружно застонали.

– Ладно тебе, Финн.

– Главное для нас музыка. До пота. – Я снова остановилась и посмотрела на него. Он по-прежнему дразнил меня своими карими глазами. Я почувствовала, как по моим щекам поползла краска.

Теперь все смотрели на меня, даже Момо. Я кашлянула.

– Что-нибудь типа «Потанцуем»? Ведь есть же «Давай потанцуем»...

– Нет, мне не нравится, – заявил Финн.

– Скучно, – согласился Кристо.

– «Рожденные для танца»? – Я понимала сама, что говорю глупости. – «Танцы до смерти»? – Это было еще хуже.

Все насмешливо смотрели на меня.

– Оставь ее в покое, она не понимает ни фига, – разочарованно протянул Кристо.

– Я не слышала, чтобы ты предложил что-то получше, – огрызнулась я.

Кристо с удивлением вытаращил на меня глаза и даже растерялся.

– Не очень-то разумно приходить на деловую встречу, даже не зная, как вы назовете ваш клуб, не так ли? – продолжала я, упиваясь своим превосходством.

– Она права. – Финн наклонил голову набок. Казалось, он был готов улыбнуться, но не успел, словно кто-то поставил его на паузу.

Я направилась на кухню, гордая храбростью, с которой я разговаривала со студентами-второкурсниками, а по дороге бросила взгляд через плечо. Финн по-прежнему смотрел на меня. Я протиснулась сквозь дверные створки и прислонилась к раковине, крепко вцепившись в нее руками.

– Черт побери, что это такое? – Я быстро сполоснула пылающее лицо холодной водой.

* * *

С Кларки я встретила вечером в нашем любимом пабе на мосту. Какое облегчение оказаться в знакомой компании, где я понимала каждый жест и взгляд и где не имело значения, какие глупости лились из моего рта.

– Я неплохой танцор, – ответил он на мой вопрос, водя пальцем по краю бокала. – А что?

Я рассказала ему про студентов из ресторана.

– А этот парень, Финн, спросил у меня, как бы я назвала их клуб, и...

– Тебе он нравится, верно?

– Он второкурсник, – сообщила я, игнорируя его вопрос.

– И что?

– Он медик.

– Ты даже знаешь его специализацию? – Кларки наклонился ко мне.

– Ну, только потому, что я подслушивала, когда он разговаривал с Момо. Перестань смотреть на меня так, Джастин Кларк. – Я схватила подставку под пиво и начала крутить ее в пальцах.

– Джози, сейчас ты выглядишь роскошно. Любой нормальный парень захочет тебя. – Он схватил кружку и жадно глотнул пива.

– Ты так думаешь? – Я пыталась выудить из него побольше комплиментов.

– Я серьезно это говорю. – Он с улыбкой посмотрел на мои плоские лодочки. – Ты только не надевай высокий каблук, иначе я чувствую себя рядом с тобой карликом.

В двенадцать лет я была ростом пять футов и девять дюймов и все еще росла; размер ноги тоже увеличивался, и я переживала из-за этого.

– Мне придется пойти в специализированный обувной, – говорила мне мама. – И вообще, милая, – говорила она, держа в ладонях мое лицо, – ты будешь высокая и красивая, так что гордись своим ростом и перестань горбиться. У тебя будут ровные зубы. Ты будешь красавицей, – слышала я от нее.

Я жила, ожидая, что у меня что-то «будет». К счастью, вскоре я перестала расти, и теперь мой рост был чуть меньше шести футов. Кларки был пять футов и десять дюймов – «с половиной», как он любил добавлять. Мои зубы выпрямились. Размер ноги стал под стать моему росту. Я наконец перестала тянуться вверх, и моя фигура стала более-менее пропорциональной. У меня были длинные, темные волосы, здоровые и густые, кудрявые от природы. Во время работы я завязывала их на затылке и закалывала шпилькой или ручкой, чтобы они мне не мешали, но длинные пряди все равно выбивались и лезли мне в глаза. А глаза были большие и серо-голубые, цвета неба перед грозой, как всегда говорил мой отец.

– А ты похудела, – заметил Кларки и поинтересовался, не хочу ли я еще выпить. Потом уверенной походкой направился к бару. Он тоже переменялся после приезда в Кембридж. Ушли в прошлое свитера с рисунком, накрахмаленные рубашки и все строгие формальности,

которые он был обязан блюсти. В шестнадцать лет я наконец преодолела свой этап жизни, когда думала, что влюблена в него. Чем ближе мы становились, тем более странной казалась мысль о любви. Лучший друг – это гораздо лучше, решила я. Мне нравилось разговаривать с ним, выслушивать мужскую точку зрения. Я никогда не променяла бы дружбу на любовь, с которой все всегда непросто. Любовь штука хрупкая. Дружба на всю жизнь.

Когда он вернулся с пивом, я спросила, нравится ли ему сейчас кто-то.

– Да, пожалуй, – ответил он. – Сэнди. Думаю пригласить ее на свидание. – И он стал рассказывать мне про нее, но я могла думать только о Финне. Я сомневалась, что у него что-нибудь получится с клубом, но мне ужасно хотелось увидеть его еще раз, словно мы с ним что-то начали, но не закончили.

Теперь я знала, что неспроста решила работать у Момо. Тиана непременно скажет мне, что это судьба, и я соглашусь с ней.

Глава 4

Наконец в дверь позвонили. Я открыла. Кларки держал свою скрипку и полотняную сумку с нотами.

– Как жалко, что ты пропустил репетицию, – сказала я.

– Ничего, все это мелочи.

Мы прошли на кухню. Корм для Рокки все еще лежал на столе, рядом со старыми тарелками в голубой цветочек, на которых лежали тосты с джемом; в раковине стояли немытые кружки. С маниакальной энергией я стала их мыть.

– Наша кухня выглядит как инсталляция Трэйси Эмин. Прямо хоть сейчас можно прилепить название и послать в «Тейт»; тогда мы хотя бы заработаем на нашем свинарнике.

Кларки оттащил меня от раковины. Потом снял вельветовую куртку и аккуратно повесил на спинку стула. Я села напротив, но тут же снова вскочила и спросила, хочет ли он чего-нибудь.

– Ты голоден? Хочешь пить? – Распахнув холодильник, я вытащила из миски ломтик жареной картошки. – Гляди, картошка вкусная. Я люблю такую, поджаренную до хрустящей корочки. Хочешь?

– Холодную картошку? Нет, не хочу. Ты лучше сядь, ладно?

– Тогда я поставлю чайник. ДЖОРДЖ! Сделай Кайли потише! Извини, я на минутку. – Я побежала вверх, в спальню сына.

Джордж лежал на полу и строил из лего фермерский дом с мельницей. Он был так поглощен работой, что называется «гиперсфокусирован», что даже не заметил, как я вошла и убавила громкость дуэта Кайли с Джейсоном Донованом.

После этого я спустилась вниз и наконец-то села напротив Кларки.

– Финн будет счастлив, – неуверенно начала я. – Он очень этого хочет. Его терпение уже заканчивается. Он постоянно уверяет меня, что я справлюсь и все будет нормально. А ведь мне только тридцать один год, – добавила я.

– Не самый лучший способ убедить тебя, – хмыкнул Кларки.

Я изобразила голос Финна.

– «Раз нам все равно нужен второй ребенок, не лучше ли поторопиться с этим, пока мы еще достаточно молоды и выдержим бессонные ночи?»

– А ты хочешь еще одного ребенка?

– Я никогда не исключала такой возможности, но это меня пугает. – Я озабоченно потерла лоб.

Кларки подвинул стул ближе ко мне.

– Что тебя пугает?

– Все! – Я понизила голос. – Я с Джорджем-то еле справляюсь. И с домашними хлопотами. Я люблю свою работу, рада, что она есть у меня! Когда родится ребенок, я снова вернусь к своим серым будням.

– А что думает об этом Финн?

– Что все будет нормально, потому что Джордж пошел в школу. Знаешь, Финн рано утром уходит из дома на работу и возвращается, когда весь хаос уже позади. Он не понимает, каково все это выдерживать.

Я рассказала Кларки про наш спор насчет ребенка и про то, как я швырнула яйцо в Финна.

– В школу? – заорала я тогда. – А-а, он пошел в школу? И я, Финн, все время жду, что зазвонит телефон и эта чертова миссис Майлз сообщит мне, что Джордж забыл свой набор для игр или сломал один из компьютеров... – В руках я держала коробку яиц, и тут во мне

что-то взорвалось. Я швырнула одно яйцо. Оно ударилось о деревянную дверь, желток попал в трещины. Финн глядел вытаращенными от удивления глазами то на меня, то на разбитое яйцо.

– Обещай, что ты никогда не подойдешь ко мне с коробкой яиц, – улыбнулся Кларки, потом откинулся на спинку стула. – Вы что, едите на ужин яичницу?

Я устало улыбнулась.

– Я была в стрессе, понятно? Господи, мне страшно даже подумать... – Мне не хотелось договаривать начатую фразу.

– Что ты родишь такого же, как Джордж? – спокойно договорил Кларки за меня и поставил передо мной кружку с чаем. – Я уже положил сахар. Немного.

– Что, если будет еще один мальчик?

– А что, СДВГ наследственная штука?

– Да. Мы подозреваем, что синдром дефицита внимания и гиперактивности был у матери Финна, только без диагноза.

– Он знает, что ты беременна? – Кларки аккуратно провел пальцем по ободку горячей кружки. Описав полный круг, остановился и сменил направление. Я всегда говорила ему, что у него пальцы музыканта.

– Нет, знаешь только ты.

– Послушай, вообще-то тебе нужно поговорить об этом со своим мужем, а не со мной.

Я поджала губы.

– Если бы я могла. Иногда он не хочет ничего слушать.

Кларки нахмурился и почесал нос.

– Финн должен понять, что беременность – это замечательная новость. Но в то же время тебе потребуется поддержка, настоящая поддержка. Он не должен прятать голову в песок, как страус.

Я с готовностью закивала.

– На месте Финна, – продолжал он, нежно погладив меня по руке, – я бы постарался понять, что ты чувствуешь.

Тут я вспомнила свой сон.

– Что? – спросил Кларки, заметив мое странное выражение лица.

– Недавно мне приснился сон про тебя и меня.

– Интересно. И что в нем было?

– Мы с тобой стояли на церемонии бракосочетания в корзине воздушного шара.

– Похоже на какой-то кошмар. – Кларки засмеялся.

Я снова оперлась локтями о стол и прижала ладони ко лбу.

– Нет, не кошмар. Но вообще-то я думаю о Джордже; он будет любить братика или сестричку. Я никогда не отказывалась от мысли о втором ребенке. Может, родится девочка?

– Разве это составит какую-то разницу?

Я стала грызть свой и без того обкусанный ноготь на большом пальце.

– Что со мной такое? Некоторые люди мечтают о детях, а я в ужасе.

– Никто не знает, каково тебе растить Джорджа. Мы лишь пытаемся понять, но вся тяжесть лежит на тебе.

– Хотелось бы мне, чтобы Финн думал так же. Почему он не может этого понять? Ведь ты понимаешь.

– Ты вообще-то хочешь этого ребенка?

– Что?

– Решать тебе, Джози.

Я неловко поежилась.

– По-моему, он никогда мне этого не простит. Наш брак разрушится. Я не смогу.

– Но он любит тебя!

– Это наш ребенок. Я не смогу. – Я открыла холодильник и съела еще один ломтик холодной картошки.

– Прости, Джози, я лишь хочу, чтобы ты была счастлива. Твое здоровье, физическое и душевное, важнее всего. Я помню, как ты мучилась с маленьким Джорджем, делала вид, что все о'кей и не получала ни от кого помощи. Ты должна сделать то, что считаешь правильным.

Я повернулась к нему.

– Ты знаешь меня лучше, чем все остальные, иногда лучше, чем Финн.

– У меня многолетняя практика, – улыбнулся Кларки.

В эту секунду я подумала о Кларки и себе – восемнадцатилетних.

– Джози? О чем ты подумала?

– Об отношениях. Как все сложно.

Он кивнул.

– Гляди, как я боюсь их. У меня нет ни постоянной подружки, ни детей. Кто я такой, чтобы давать тебе советы?

Я протянула ему бутылку пива и захлопнула холодильник.

– Ты умный, – сказала я с сухим смешком.

Открылась входная дверь.

– Он пришел сегодня раньше, – шепнула я и посмотрела на часы. Половина седьмого.

Финн со стуком поставил кейс на пол и повесил пиджак на перила лестницы.

– Привет, дорогая, я пришел! – крикнул он, как делал это каждый вечер. Широким шагом вошел на кухню.

– Наконец-то у меня не было никаких неотложных больных, и я смог вовремя уйти с работы... о-о, Джастин. – Он мгновенно замолк, потом неловко спросил: – Как дела?

– Прекрасно, спасибо, – ответил Кларки и вежливо кивнул.

– Значит, день у тебя был удачный? – поинтересовалась я на автопилоте.

– Угу. Я сделал шесть ангиограмм, нормально, без каких-то больших проблем, и один пациент даже отблагодарил меня. – Финн склонил голову набок, ожидая нашей реакции.

– Что, вас редко благодарят? – удивился Кларки.

– Да. Официанты и таксисты получают чаевые, даже если сервис паршивый. А мы только слушаем стоны пациентов по поводу службы здравоохранения. Один пациент зашел ко мне в кабинет и опрокинул мой стол, представляете? – Финн засмеялся, потом добавил: – В моей стране нет такого нелепого времени ожидания. – Разумеется, я сказал, чтобы он убрался в свою чертову страну.

Я слышала эту историю много раз.

– Тебе повезло, – помолчав, сказал Кларки.

Финн разочарованно вздохнул. Он надеялся увидеть более отзывчивых слушателей.

– Может, я вам помешал? Тогда извините. Тут было ужасно тихо до моего появления. – Он поморщился. – Я умираю от голода! Сегодня я не успел даже купить сэндвич в столовой.

Кларки отодвинул стул.

– Мне надо идти. – Кларки встал со стула.

– А как же пиво?

– В следующий раз. У меня свидание.

– Кто же на этот раз? – поинтересовался Финн.

– Миранда. – Он ответил тоном, не располагающим к дальнейшим вопросам. – Пока, Финн. Рад был повидаться. – В его голосе звучал намек на дерзость.

Я проводила друга до двери.

– Желаю приятно провести время. С Мирандой! – крикнул вдогонку Финн.

Я открыла дверь. Кларки схватил меня за запястье.

– Позвони мне завтра. Обещаешь?

– Обещаю.

Финн открыл холодильник и уже ел холодный жареный картофель, когда я вернулась.

– Боже, какой вкусный. Так что там Джастин?

– Нормально.

– Вы с ним были такие серьезные, словно старые девы.

– Финн, мне надо тебе что-то сказать...

– Почему Кларки выбирает таких пустых, глупых девчонок? Та последняя была... Господи, как там ее звали? В общем, она была ужасная.

В тот раз мы ходили вместе в новый японский ресторан, открывшийся у нас за углом. Кларки привел Саманту, хорошенькую блондинку, которая детским голосом и шепотом просила его, чтобы он ее покормил, потому что она не умела есть палочками. В конце концов Финну это надоело, и он посоветовал ей говорить громко, чтобы слышали все.

– Ведь он остроумный, красивый парень. Я ничего не понимаю, – продолжил рассуждать Финн.

– Он пока еще не встретил «ту, единственную». Вот когда встретит, тогда чувства переполнят его так, что он потеряет голову. Я уверена в этом. Но вообще-то мне надо поговорить с тобой.

– Идеальную девчонку встретить невозможно. – Финн открыл бутылку пива и сделал большой глоток.

– Идеального парня тоже.

Финн поднял брови.

– Но я близок к идеалу? Как ты считаешь?

– Вроде того. Финн, я должна кое-что...

– Джастин словно боится встретить ту, которая ему нужна, вот и водится с пустоголовыми девицами, чтобы не напрягаться. Знаешь, ему надо брать быка за рога. А еще меньше болтаться здесь. Надо познакомить его с Алессией. Боже мой, она близка к совершенству.

Алессия де Силва была молодым врачом и работала вместе с Финном. Я еще не видела ее, но судила о ней по описаниям Финна и не горела желанием встретиться. Я узнала от мужа, что она была не только самая сексуальная женщина на земле, но еще и «с серьезными мозгами». Финн с удовольствием сообщил, что она работала «под его началом».

– Финн?!

– Если сидеть и ждать такого безупречного ангела, тебя ждет разочарование, – не унимался он. – Всегда должны быть компромиссы.

Ты абсолютно прав, подумала я. Интересно, на какие компромиссы Финн пошел в моем случае?

Он снял галстук и уронил его на пол. Расстегнул пуговицы на рубашке. Покрутил шеей. Я подняла галстук и повесила его на стул. Потом Финн снял ботинки и закинул ноги на стол.

– Ты и на работе так себя ведешь? – спросила я.

– Ах, как хорошо. Я весь день носился по больнице. Сегодня лифт все-таки решил сломаться. Мне нравится Джастин, но...

– ФИНН! – Я сделала еще одну попытку.

– ...лед пора растопить. Я все-таки думаю, что он тебя любит и не может двигаться дальше...

Я подскочила к нему и накрыла ладонью его рот.

– Помолчи хоть секунду. Ты совсем как Джордж. У меня есть новости. – Я говорила медленно и внятно.

– Новости? Давай, – сказал он, когда я убрала руку. – Что за новости?

– Ты подумай и вспомни, чего тебе очень хочется.

– Тебя повесили? – спросил он. Я покачала головой. – У тебя выиграла премиальная облигация? Галерея приняла твою картину?

– Нет. Это другое. То, что хочешь ТЫ.

– Я хочу то, что хочешь ты. Твое счастье делает мое более полным. – Потом до него все-таки дошло. – Неужели ты... правда?

– Я сделала сегодня тест.

– Джози! – Он убрал ноги со стола и обнял меня. – Мне просто не верится! Потрясающе! Ты не шутишь?

– Не шучу. – Я вспомнила слова Кларки. – Назад дороги нет.

– Это лучшая из новостей. Сколько недель?

– Около шести.

– В этот момент я должен поднять тебя на руки и... – Он попытался это сделать. Я невольно рассмеялась.

– Я тяжелая. Слишком много ем картошки. – Он поцеловал меня.

– Как я счастлив! – воскликнул он. – Но ты сама-то рада?

– Да. – Я прикусила губу. – И нет. В «Сэйнсбери» у меня был приступ паники. Что, если у нас второй ребенок тоже будет с тем же синдромом?

Финн поскорее взял меня за руку, и мы сели.

– Не надо беспокоиться. Я смотрел результаты исследований. У тебя может родиться один ребенок с СДВГ и четверо без него. Ничего определенного нет. Это риск, но ведь риск есть везде. Любая женщина беспокоится и хочет родить здорового ребенка.

– Если у нас будет девочка, то у нее меньше шансов родиться с синдромом, правда?

– Нет, не обязательно. У девочек в детстве синдром просто дремлет. Диагноз СДВГ можно поставить только взрослым. А если родится мальчик, это еще не означает, что мы получим еще одного Джорджа.

– Я люблю нашего сына. – Я чувствовала себя виноватой, что мы так говорим о нем.

– Знаю. Послушай, этот чертов синдром скорее всего останется при нем, но, как бы сейчас ни было тяжело, люди с таким диагнозом могут жить самостоятельно. Погляди на Эмму, твою знакомую по Интернету, и на ее сына из «Бритиш Газ». Такие дети часто бывают талантливыми и умными, с высоким IQ. Нужно просто найти, в чем они талантливы. Такие знаменитости, как Уинстон Черчилль и Оскар Уайльд, возможно, родились с синдромом дефицита внимания.

– И Эйнштейн, – добавила я. У Джорджа в спальне была обезьянка, которую он назвал в честь него.

– Мне не верится, что могут быть два мальчика таких, как Джордж. Как ты считаешь?

– Почему? Дай мне обоих. Я люблю преодолевать трудности, – с насмешкой сказала я.

– Чудесная новость. У нас будет еще один ребенок. – Финн говорил так, словно все еще никак не мог поверить. – Как же это случилось. Я думал, что ты предохраняешься.

– Я пропустила пару дней. Мы тогда ездили к моим родителям, – ответила я. – Финн, неужели ты забыл? – Я игриво шлепнула его по руке и встала.

Он обнял меня за талию и привлек к себе.

– Иди сюда. – Мы слышали, как Джордж съезжал вниз по перилам. Я закрыла глаза. Когда-нибудь он сильно ушибется.

– У нас будет еще один такой, – прошептала я Финну и беспомощно боднула его в плечо. Зазвонил телефон, Джордж схватил трубку.

– У нас все нормально, – сообщил он.

– Все будет замечательно, – заверил меня Финн и подкрепил свои слова поцелуем. – Все образуется.

– Прямо сейчас папа пристает к маме с сексом.

Я больно прикусила губу и взглянула на Финна. Мы расхохотались.

– Кто это? – крикнули мы Джорджу.

– Хорошо, бабушка Гринвуд.

Я прижалась лицом к плечу Финна.

– Почему позвонила сейчас именно бабушка? Не понимаю! – сказала я.

– Может, папа починит твой сервировочный столик? О'кей, ба. Я попрошу его. Пока.

Глава 5

День выдался дождливый. В ресторанчике было пусто, только Финн сидел за угловым столиком. Казалось, его устраивало одиночество. В кино я ходила одна, без компании, только один раз в жизни, в семнадцать лет. В зале сидели всего три зрителя. Одна из них, старая леди с седыми космами, ела банан из бурого бумажного пакета. Меня на секунду охватила паника – я представила себе, что вот так же проживу свою жизнь. Что будет со мной через много лет?..

Но вернемся к Финну. Он был небритый и выглядел усталым, словно у него не ладилось со сном.

– Мы назовем наш клуб «Зеркальный шар», – сказал он, когда я спросила, что он заказывает.

– Что ж, броско. – Я стучала ручкой по блокноту; он папкой с меню по столу.

– Гляди-ка, – сказал он, подняв брови. – У нас с тобой получается классная музыка.

Я по-прежнему смотрела на него, готовая записать заказ. Тиана советовала мне изображать ледяной холод.

– Извини. Мне, пожалуйста, пиццу с пепперони и сыром и черный кофе. – Я возвращалась к бару и чувствовала, что он смотрел мне вслед.

Заказ я передала Мики, села возле бара, взяла бумажную салфетку, вытащила ручку, которой закалывала волосы, и стала рисовать две танцующие фигуры. Девушке я нарисовала экзотическое перо в причёске, спину с соблазнительным изгибом и фантастически красивые ноги, длинные и стройные. Свободными штрихами наметила фигуру парня, рубашку с открытым воротом, руку на тонкой талии девушки. А над ними изобразила зеркальный шар.

– Джози! – крикнул из кухни Мики. Финн поглядывал на меня. Мики уронил на пол тарелки, и они разбились. – Момо вычтет у меня из жалованья, – сокрушался Мики, когда мы подбирали осколки. Открылась дверь, в ресторанчик вошли студенты. – Ступай, – сказал он. – Спасибо за помощь.

Финн стоял возле бара.

– Можно еще порцию черного кофе? Два сахара. Кстати, кто это нарисовал? – Он взял салфетку.

– Я.

– Эй, официантка, да ты настоящая художница, не правда ли? – спросил Финн.

Дерьмо самонадеянное. Я пыталась забрать у него рисунок. Он сел на свой стул.

– Отдай! – Я хватала воздух. Наконец сумела ухватить его за руку и стала вырывать из нее салфетку, но он не отдавал. Откинулся назад и размахивал ею перед моим носом, а когда я почти дотягивалась до нее, ловко перехватывал ее другой рукой и снова дразнил меня. Я сдалась. Он положил рисунок в карман джинсов.

– Эй, перестаньте, – буркнул Мики, проходя мимо нас. – Вот-вот вернется Момо. Финн, твоя пицца готова. – Он плюхнул ее на стол.

Мы с Финном обменялись взглядами; выговор нас как-то объединил. Он сцепил руки на затылке и кивнул на карман джинсов.

– Забери свой рисунок. Даю слово, что не пошевелю руками.

– Нет, спасибо, можешь оставить его у себя. – Я широко улыбнулась и пошла к бару.

Вошли студентки, сели за угловым столиком и разложили на нем файловые папки и библиотечные книжки. Одна из девчонок подышала на руки, согревая их.

– Ой, смотрите, какой парень, – прошептала она и вздохнула. Остальные мгновенно уставились на Финна. Разочарованный и приунывший Мики принял у них заказы. Я тронула его за плечо.

– Что с тобой? Подумаешь – несколько разбитых тарелок.

Он рассеянно кивнул.

– Джози?

– Что? – отозвалась я, наливая кофе.

– Ты хочешь пойти куда-нибудь после работы? Посидим, выпьем.

– Давай, – ответила я, все еще поглядывая на Финна.

– Он идиот, оставь его в покое, – заметив мой взгляд, сказал Мики.

Финн подошел к бару и сел на табурет прямо передо мной. Я подвинула к нему чашку кофе и наклонилась за пакетиками сахара.

– Впечатляющий вид, – услышала я его комментарий и постаралась скрыть свой восторг.

– Ты заплатишь за кофе, Финн, или так и будешь болтаться возле Джози весь день? – спросил Мики, швыряя лед в стаканы с диетической колой.

– Пожалуй, я сделаю и первое, и второе, особенно второе.

Мики сердито затопал к студенткам.

– Не знал, что ты умеешь рисовать, – сказал Финн с загадочной улыбкой.

Я скрестила руки на груди.

– Все это просто так, ради шутки. Я знаю, что я не Пикассо.

Финн поднял руки, как бы защищаясь.

– Извини. Меня так пугает чужой талант, что я превращаюсь в монстра.

Его слова стали для меня неожиданностью и обезоружили.

– Серьезно, мне в самом деле понравилось, – сказал он с улыбкой. – Из этого рисунка получится отличный рекламный листок для нашего клуба. Ты... ну... я даже не смею надеяться, что ты поможешь мне его сделать.

– Я подумаю над твоим предложением. – Тиана одобрила бы мой ледяной тон.

– Как насчет сегодняшнего вечера? Мы могли бы встретиться и поработать над проектом.

– Сложно. Сегодня не смогу.

Он держал в пальцах розовый пакетик сахара. Я наблюдала, как он надорвал его зубами и высыпал содержимое в кофе.

Вошла еще одна группа студенток. Я двинулась к их столику с блокнотом и ручкой. Финн шел за мной.

– Что вы будете заказывать?

– Горячий шоколад, – сказала одна.

– Капучино, – продолжила другая.

– Два капучино, ой, пожалуй, еще шоколадный кекс, – перебила подругу третья девушка.

Они разинули рты глядя на Финна.

– Ну, что ты скажешь? Поможешь мне? – допытывался он. – Я в долгу не останусь. Сделаю для тебя что угодно.

– Что угодно? – переспросила я, подняв брови.

– Что угодно, – повторил Финн, проведя рукой по волосам.

– Дурочка! – воскликнула одна из студенток. – Соглашайся!

– Если не хочешь, уступи его мне, – добавила другая.

Тут в дверь ресторанчика вошла Доминик. В обтягивающих джинсах, которые морщились под коленками, потому что были такие узкие, в розовом мохеровом свитере и бежевых ковбойских ботинках.

– Финни!

Финни?

– Я ищу тебя повсюду. Разве ты не получил мое письмо?

Он покачал головой.

Она по-свойски потащила его за руку.

– Что ты тут делаешь? – Доминик подозрительно покосилась на меня. – Пошли, через минуту начнется лекция.

За столом студенток раздались разочарованные вздохи. Шоу закончилось.

Финн схватил со спинки стула свою кожаную куртку. Потом выхватил из книги предложений листок бумаги.

– Что ты делаешь? – нетерпеливо спросила Доминик.

– Подожди.

Она выдула из жвачки большой розовый пузырь прямо перед моим носом.

– Я буду на улице. – Девушка хлопнула дверью.

В моей руке оказался клочок бумаги. Я прочла: «Пожалуйста, давай встретимся возле Кингс под аркой в семь».

* * *

Мы с Финном сидели в библиотеке колледжа. Воздух вокруг нас буквально потрескивал от накопившегося электричества. Перед тем как встретиться с Финном, мне пришлось позвонить Кларки. Он говорил, что нам надо купить продукты и приготовить на ужин карри.

– У тебя свидание? – спросил он.

– Нет, я просто помогаю ему придумать рекламный листок для их клуба.

– А-а, теперь это так называется? Ладно, я все равно договорился сегодня встретиться с Сандрой.

Вот и хорошо. Я переживала, что подведу его, а он идет на свидание.

– Мне казалось, что ее зовут Сэнди?

– Сэнди, Сандра. Какая разница?

– Отлично. Желаю приятно провести время.

– Можешь в этом не сомневаться.

Когда я собиралась уйти с работы, Мики спросил, куда бы я хотела пойти с ним, как мы договаривались. Мне пришлось срочно выкручиваться, и я пробормотала, что забыла про сегодняшний урок танца.

Мы сидели у окна. Финн выбрал «тихое местечко». Я предложила ему два варианта: либо мы найдем картинку в книгах о танце или кино, которую я потом сосканирую на компьютер, либо я что-нибудь нарисую ему сама.

– Нарисуй мне то же самое, что было на той салфетке, – настаивал он, подвигаясь ближе. Со своим энтузиазмом Финн был похож на ребенка. Устроившись поудобнее, он приготовился смотреть, словно ждал начала своего любимого мультика, сжимая в руке коробку с жареным попкорном.

Рисуя, я чувствовала, как между нами накапливалось электричество; прежде со мной никогда не было ничего подобного. Я целовалась со многими, но у меня был только один серьезный бойфренд, Джонатан. Мы встречались во время подготовки к экзаменам в школе. Помню липкий от пива пол, когда мы танцевали под «Беззаботный шепот» Джорджа Майкла, помню наш первый поцелуй. У Джонатана были пышные каштановые кудри и открытая улыбка, но у меня не учащался пульс при виде него. Однажды вечером он взял в прокате фильм, и мы сидели с ним вдвоем в темноте. Он хотел пройти «весь путь». А меня больше интересовало развитие сюжета «Достойной улицы».

– Все это не проходит дальше второй и третьей базы, – посетовал он.

– Это тебе не лапта, – ответила я, и он неохотно вернулся к просмотру фильма, удивляясь: что это со мной? Почему я не хочу делать это?

– Возможно, ты просто не хотела делать это именно с ним, – убедительно объяснила мне потом Тиана.

– Черт побери, – прошептала я. У девушки получилась слишком большая голова, теперь надо было все аккуратно стереть и сдуть крошки с бумаги. Финн тоже опустил голову, и между нашими губами было всего несколько дюймов.

– Что ты сделала? – спросил он. В другое время мне бы не понравилось, если бы кто-нибудь сидел так близко, когда я рисовала. – Голова слишком большая.

Я чувствовала его дыхание на своей щеке.

– Я знаю. Не критикуй мой рисунок.

Он засмеялся.

– Ты была когда-нибудь в Нью-Йорке?

– Нет. А что?

– Просто спросил. Я летаю туда на каникулы вместе с моим братом-близнецом. Там я начал коллекционировать виниловые пластинки.

– У тебя есть брат-близнец?

– Эд. Но мы совсем непохожи.

– Он что, красивый? – Я засмеялась над собственной шуткой.

– Очень. Это единственное, в чем мы похожи.

Проклятье. Почему у него находится ответ буквально на все?

– Впрочем, это не совсем так. Мы похожи в двух вещах – в красоте и музыкальности.

– Похоже, вы дружите.

– Да. Между нами нет соперничества, и это здорово. Меньше всего он хотел идти в медицину, а я никогда не хотел стать актером. По-моему, это никчемная профессия. Там не разбогатеешь.

– Может, ты станешь таким же успешным, как Роберт Редфорд, – засмеялась я. – Он висит у меня на стенке.

– У тебя приятный смех. Сексуальный, словно у тебя болит горло. Он натуральный, или ты нарочно так делаешь?

– Натуральный, спасибо. Ну, а как теперь? – Финн наклонился ближе, чем требовалось. Наши руки соприкоснулись. – Теперь она, по-моему, более пропорциональная.

– Так лучше, – согласился он, но его глаза смотрели вовсе не на мой рисунок.

На нас зашикали.

– Давай пойдем куда-нибудь еще? – предложил Финн.

– Куда? – Я посмотрела в окно. На улице лил дождь.

– Ко мне, например. Не беспокойся, это близко. Там мы сможем шуметь сколько угодно, – предложил он.

Когда мы бежали по дорожке, посыпанной гравием, Финн галантно держал надо мной файловую папку. Но меня и без того защищал его рост – вероятно, шесть футов три дюйма. Редко, чтобы мой парень был выше меня. Я последовала за ним в старинное, темное здание. Возле лестницы на деревянной доске были написаны фамилии студентов.

Финн открыл дверь.

– Вот, это мой космос. – Он провел меня в гостиную с бледными стенами и старинным деревянным полом. – Тут нам будет проще работать, правда? – сказал он, открыв дверь в спальню, и показал на письменный стол, заваленный книгами и газетами. – Прости за беспорядок, мой слуга сегодня поленился. – Он принялся складывать книги. Получились две высокие башни.

– Может, я сделаю это дома?

– Нет, нет, лучше, если мы сделаем это вместе.

Он одним рывком стянул с себя свитер и надел майку с Аретой Франклин.

– Я люблю старый винил. Мне нравится, как он потрескивает, прежде чем зазвучит музыка. Нет ничего лучше. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я кивнула.

– А ты любишь музыку? – Финн аккуратно поставил иглу на пластинку.

Мне нравились Мадонна, Кайли и «Флитвуд Мак».

– Да. Люблю, разную, – быстро ответила я.

Я достала свой рисунок и взялась за дело. Мы болтали. Я узнала, что каждое утро в 6.30 он ходит на занятия греблей, но часто опаздывает, и его ругают. Он не был таким спортивным, как Кристо, но любил держать себя в форме. Без фитнеса ему становилось не по себе. В спортзале он сжигал адреналин и компенсировал недостаток сна.

– А как же кофе? Зачем ты пьешь так много?

– Потому что мне это вредно. Ну, а ты, Джози? Что ты любишь?

– Много всего. – Я пожала плечами.

– Например?

– Изобразительное искусство. Я с детства хотела стать художницей. Меня не интересовали игрушки. Папа соорудил для меня дом на дереве, я все время сидела там и рисовала. Это было мое убежище.

– Ты сбегала туда от чего-то неприятного?

– По-моему, мы все нуждаемся в убежище. Я устроила свой собственный маленький приватный мир. Все должны так делать, у всех должно быть тайное увлечение.

– Ты права. Мое убежище – музыка.

– Точно.

– Где живут твои родители? – спросил Финн.

– В Дорсете. Там красиво.

– Разве это не скучно? Я всегда жил в Лондоне. Кембридж для меня слишком тихий.

– Мне там не было скучно.

– Все замечательно, – сказал Финн, оценивая мой рисунок. – Тебе повезло, что у тебя такой талант и ты знаешь, чем хочешь заниматься.

– Но ведь ты тоже знаешь, не так ли?

– Да, больше всего я хочу быть доктором. Жалко, правда, что учиться так скучно. Приходится запихивать в свой мозг столько всего, а когда кажется, что больше туда физически не влезет, тебе дают еще один список книг длиной в десять футов. – Он постучал себя по голове, словно она пустая. – И все-таки я должен все это выучить.

Он взял сигарету и попытался прикурить. Я заметила, что у него дрожали руки. Мне захотелось накрыть их моими руками и успокоить дрожь.

– Ты ведь не возражаешь? – спросил Финн, указывая на сигарету.

– Нет, валяй.

– Я курю как Пэт Батчер. Хочешь сигарету?

Я покачала головой.

– Нет, я просто не ношу серьги, как она. Ответ принят?

Я увидела вспышку улыбки.

– Джози, какие у тебя есть дурные привычки?

– Ну, например, я захожу к незнакомым парням. Годится?

– Разве я незнакомый? – Теперь он стоял позади меня. Смутившись, я встала и повернулась к нему, держа в руках рисунок, чтобы вернуть нас на более комфортную почву.

– Мне нравится. – Он взял рисунок у меня из рук. – Ты уже решила, что тебе хочется получить взамен?

В дверь громко постучали, и она тут же распахнулась. Это был Кристо. Я не могла решить, что я испытала – облегчение или разочарование. У нас с Финном все разворачивалось слишком быстро и в направлении, к которому я пока еще не была готова.

– Все нормально, приятель. О, привет... – Кристо забыл мое имя.

– Джози, – подсказал Финн уже своим обычным голосом. – Гляди, она рисует рекламный листок для нашего клуба.

– Круто! Вау, спасибо, Джози. – Он виновато посмотрел на меня. – Извини за тот день. Я вел себя грубо.

– Пустяки, все о'кей. Нам надо найти дешевый принтер и распечатать листовки, столько, сколько нужно, – сказала я и добавила: – Ну, я пошла домой.

– Между прочим, тебя ищет Доминик, она в баре, – сообщил Кристо.

Финн пошел со мной к двери.

– Можно я провожу тебя до дома?

– Нет, это недалеко, – ответила я.

– Мне это не составит труда.

– Я сама дойду.

– Спасибо за помощь. Тебе не холодно? Возьми какую-нибудь из моих курток или... вот это, – сказал Финн.

Кристо изумленно вытаращил глаза.

– Что ты с ним сделала? Он никогда не был таким галантным.

Финн протянул мне худи с капюшоном.

– Спасибо. – Мне было холодно. Утром светило солнце, поэтому я оделась легко. Финн накинул капюшон мне на голову и убрал прядь волос, упавшую мне на глаза.

– Тебе идет.

* * *

В дядином доме было холодно. В тот вечер я легла спать в худи Финна, следующий день тоже, и после, пока его запах не стал мне таким знакомым, словно он лежал рядом со мной.

Глава 6

Я включила воду, чтобы набрать ванну.

Финн читал Джорджу перед сном книжку.

– Мне скучно, па, – услышала я. – Ты лучше Расскажи мне еще раз про американский цирк, ладно?

Финну было пять лет, когда его семья переехала в Коннектикут. Его отец, консультант по информационным технологиям, перенес свой бизнес в Америку.

Финн захлопнул книжку.

– Раз в год в наши края приезжал конный цирк. Натягивали большой тент. Мы с дядей Эдом и соседскими мальчишками забирались на деревянные ящики. Высоко, как мне казалось, почти под облака. Потом мы съезжали по тенту. Не думаю, что это было безопасно, но зато какой восторг!

– Все равно что съезжать по крыше дома? Да, па?

– Ты только не вздумай это сделать, Джордж. Один раз я добрался до верха и поехал вниз, но тут моя нога за что-то зацепилась. Я дернулся, прорвал ткань тента и упал в дыру.

Джордж громко захохотал, но все-таки спросил:

– Ты ушибся?

– Да, я рассек себе лицо. Вот, погляди на шрам, он так и остался.

Джордж наверняка потрогал этот шрам, он всегда все трогает.

– Я приземлился на большую кучу конского навоза. – Финн засмеялся. – Мой друг Мик...

– Скинхед! – закричал Джордж.

– Успокойся, сын. Да, скинхед. Мик и дядя Эд спасли меня.

– Когда у меня будет брат? Если я буду послушным, вы подарите его мне к Рождеству?

Я выключила воду и прислушалась. Мне было интересно, что ответит Финн.

– Я уверен, что Санта подарит тебе братика, только не к Рождеству, а позже...

– Почему позже?

– Потому что на это требуется время.

– Да? Почему? Сколько времени?

– Ох, Джордж, я устал от твоих вопросов.

Мысли нашего сына были беспорядочно рассеянны. Во всяком случае, так мне казалось.

– Сколько ждать? – не унимался Джордж.

– Подожди и узнаешь, – успокоил его Финн.

– Как вы это делаете?

– Спи. Пора гасить свет.

– Я могу сделать ребенка?

– Нет.

– Я бы сделал такого же мальчика, как я сам.

Надо было спасать Финна. Я открыла дверь детской спальни и прошла по узкой тропке между сооружениями из лего, солдатиками и пластиковыми сумками с хламом, купленным на автомобильной барахолке.

– Ну-ка, гасите свет.

– Ма, мой мозг еще не устал. – Я в шутку схватила беспокойные ноги Джорджа; он бил пятками по моим ладоням. Я называла его ноги везунчиками, потому что они были ужасно тоненькими и им повезло, что они не сломались. Еще они были гладкими как мрамор, а каждый пальчик был само совершенство.

– Мам! – Он хихикал и дрыгал ногами под стеганым одеялом с изображением паровозика Томаса.

– Перестань! Успокойся! – просила я.

Рокки кротко улегся в ногах у Джорджа.

– Я хочу еще послушать историю.

– Хватит. Завтра у тебя будет интересный день.

– Что будет завтра? – заинтересовался Финн.

– Джордж участвует в рождественской постановке, – напомнила я мужу.

– Ах да, конечно.

– Расскажи папе, кого ты там играешь.

– Я буду пастухом и буду играть на треугольнике.

– Что же произойдет, когда ты ударишь в треугольник? – спросил Финн.

– Тогда придут волхвы. Ты придешь на наше представление, правда, па?

– Обещать не могу, сын, но уверен, что ты будешь лучшим из всех пастухов.

Джордж перевернулся на бок и крепко прижал к себе свое любимое одеяло «Бэби». Под подушкой было полно игрушек, включая обезьянку Эйнштейна; как я ни убеждала его убрать ее, ведь неудобно спать на таком бугре, Джордж отказался.

– Подари мне свои ресницы, – бормотала я, осыпая его поцелуями и обняв худенькое тельце в теплой фланелевой пижаме. – Ты мой любимый мальчик. – Теперь я понимала, что имела в виду мама, когда говорила: «Мне хочется тебя съесть». Джордж был очень красивый – пышные, блестящие каштановые волосы, отцовские карие глаза и длинные черные ресницы, изогнутые полумесяцем.

– Мне хочется тебя съесть, – сказала я.

– С томатным кетчупом? – тут же спросил сын.

– Да, мне понадобится много кетчупа.

– И с жареной картошкой, – добавил Финн. Потом он нажал на воображаемую кнопку на голове Джорджа.

– Вот, твой мозг выключен.

– Спасибо.

Мы тихонько прикрыли дверь и прошли к себе в спальню.

– Может, сказать ему?

– Нет. Надо подождать три месяца. Вдруг что-то случится. – Я попробовала рукой, нормальная ли вода.

– Я хочу посмотреть на его лицо, когда мы скажем ему, – продолжал Финн. – Думаю, Джорджу это пойдет на пользу. Отвлечет его от нас; его внимание будет направлено не только на нас. Но что еще более важно, наше внимание тоже будет разделено между ним и новорожденным. Я надеюсь, что малыш принесет нам ощущение нормальности. С Джорджем наша жизнь стала слишком интенсивной, ты согласна? – Финн говорил с жаром.

– Да, согласна, но ведь мы пока ничего не будем говорить, еще рано. – Я села на краешек ванны и стала раздеваться. – Иначе он будет засыпать меня вопросами все ближайшие восемь месяцев, и я сойду с ума.

Финн поцеловал меня в губы и издал стон разочарования.

– Просто так хочется поделиться с кем-нибудь. Например, с Эдом. Ему-то можно сказать?

– А он нечаянно проговорится твоей маме, ведь он такой. В нем столько энтузиазма.

Финн стал расстегивать рубашку.

– Я не люблю утаивать от него что-либо.

– Но ведь это ненадолго. Пока пускай это будет между нами... и еще знает Кларки. – Я швырнула одежду на нашу широкую кровать.

- Кларки знает? – удивленно спросил Финн.
- Да. – Я взяла полотенце и туго обернула его вокруг своего голого тела.
- Ты сказала ему раньше, чем мне? – Лицо Финна помрачнело, в глазах мелькнул знакомый огонек недоверия.
- Да, в тот вечер, когда он был здесь.
- Придерживая одной рукой полотенце и напевая, я открыла зеркальный шкаф и достала ватный диск.
- Ты должна была сказать мне первому. – Муж явно сердился.
- Он неожиданно зашел к нам, а мне надо было с кем-то поделиться.
- Я очищала лицо тоником и нарочно возилась, чтобы не поворачиваться лицом к мужу, иначе он понял бы, что я лгала.
- Не могла подождать, когда я вернусь домой? Пять минут не могла подождать?
- Я застыла с ватой в руке, признав свое поражение. Он был прав.
- Прости, Финн. Надо было дожидаться тебя.
- Я не позволю, чтобы что-то омрачило эту новость. Или кто-то омрачил. Особенно он, – заявил мой муж, присев на край ванны.
- Я нервничаю, Финн. Боюсь рожать второго.
- Не переживай.
- Я не могу тащить все в одиночку.
- Я всегда рядом с тобой. – Его слова прозвучали неубедительно.
- После Джорджа...
- Давай просто порадуемся этой новости, ладно? Подождем, когда ребенок родится. У нас много шансов, что он будет здоровый. – И он холодно засмеялся. Я видела, что он все еще обижался на меня из-за Кларки. В его глазах ясно читалась неприязнь.
- Что с тобой? – спросила я.
- Ну... просто вы с ним... Я не понимаю ваши отношения. Тебе бы понравилось, если бы у меня была подруга, и я говорил ей все раньше, чем тебе?
- Нет, конечно, не понравилось. Я бы злилась, – подумала я.
- Если бы ты знал ее много лет, я бы поняла, – ответила я вслух, как можно беззаботнее. – Но я бы ужасно огорчилась, если бы это была такая подруга, как Алессия.
- Он гордо вскинул голову, как бы показывая мне, что я сама виновата и получаю то, что заслужила.
- У Алессии, между прочим, большие сиськи, так и хочется рассмотреть их получше, – сообщил он. В ответ я хлестнула его полотенцем. – Вы с Кларки... – продолжал он. – Когда вы жили в Кембридже, он был без ума от тебя. Вспомни те драматические скрипичные концерты до поздней ночи. Он пытался своей игрой выкурить меня из твоей жизни.
- Я взяла резинку и собрала волосы на затылке.
- Неужели вы даже не спали вместе, когда ездили куда-то?
- Нет, это скучно; мы были выше этого.
- Номер в отеле уединенное место, – не унимался Финн. – Да ладно тебе, так я и поверил. За шесть месяцев ни одного разочка?
- Ни одного.
- И ты никогда не была в него влюблена?
- В двенадцать лет мне казалось, что я влюблена. Он был единственный, кто общался со мной, когда я носила на зубах безобразные брекетты. – Я шагнула в воду; Финн со своими вопросами присоединился ко мне. Я откинулась назад, положив голову к нему на грудь. – Ты лучше Расскажи, как у тебя прошел день.
- Так ты никогда его не любила? – выпытывал у меня Финн.
- Нет!

Он зачерпнул пригоршню воды и намочил мне волосы. Я закрыла глаза, чувствуя, как вода потекла по моей спине. Финн выдавил немного геля на свою ладонь. Я начала расслабляться.

– Последний вопрос, – сказал он, – и очень важный для меня.

– Что?

– Надеюсь, он был рад, услышав про ребенка?

– Угу. Он сказал, что это чудесная новость. – Я поводила пальцем по воде. – А у Алесии сиськи такие же хорошие, как у меня?

– Почти такие же.

Я повернулась и плеснула водой ему в лицо. Он схватил меня за руку. Мы захохотали.

– Твои лучше, понятно? Я ни на кого не смотрю, кроме моей красавицы жены.

– Эй, дружище! Ну-ка, договаривай, что у тебя на уме. – Я взяла его лицо своими мокрыми ладонями и поцеловала в губы.

Он вырвался из моих рук.

– Финн! – допытывалась я. – Что теперь?

– Давай допустим, что ты спала с ним.

– О'кей.

– Так ты спала?

– Нет, не спала. Ты ведь сказал – допустим, вот я и согласилась с этим.

– Ну, ладно. Мы тогда не были женаты; мы даже не встречались. Но дело в том, что Кларки... – Финн замолк, подыскивая нужные слова. – Я бы примирился, если бы ты спала с кем угодно. Но только не с ним. Ты понимаешь меня?

– Финн, ты знаешь, что я тебя люблю. И ты мне доверяешь, правда?

Он кивнул.

– Когда мои родители развелись, помню, отец говорил, что все дело не в том, что сделала мама, а в бесстыдной лжи. Из-за нее он чувствовал себя оскорбленным и униженным, – сказал Финн.

– Я никогда, никогда не причиню тебе этой боли.

– Знаю. Извини. Но у меня к тебе последняя просьба. Давай договоримся.

– Ну?

– Обещай, что ты будешь сообщать мне первому все новости, касающиеся нас. Мне, а не ему.

* * *

Финн быстро уснул.

А я была в панике, потому что знала, что завтра буду никакая. Два часа ночи, а утром мне встать в 6.30. Я должна поспать.

Безнадежно. Я встала и на цыпочках спустилась вниз. Села на кухне и выпила чашку травяного чая, глядя на магнетики на холодильнике. Под одним, в виде клубники, рисунок Джорджа. Сын нарисовал тарантула, которого он видел в Лондонском зоопарке, и заставил Финна прикрепить его. Под другими клубничными магнитами были наши фото: Джордж высунул язык, Финн надел задом наперед бейсбольную кепку.

В кухню вошел сонный Джордж, прижимая к себе медведя, подарок дяди Эда. Забрался на стул.

– Почему ты не спишь? – спросила я сына.

– А ты почему? – ответил он вопросом на вопрос.

– Справедливое возражение, но тебе надо выспаться, чтобы быть красивым. – Я взъерошила его шевелюру.

– Тебе тоже надо, – захихикал он.

– Что ж, верно.

– Мой мозг не дает мне спать, ма. Мне плохо, когда я не могу спать. Я боюсь темноты. Я уверен, что все ребята из нашего класса спят. Ма, я инвалид? Неполноценный?

– Где ты услышал эти слова? – Вопрос сына меня поразил.

– Джейсон сказал про меня, что я такой. Что такое спазм? – В последние месяцы у нас были проблемы с Джейсоном. Он терроризировал Джорджа. А все учителя лишь советовали держаться от него подальше.

– Я тупой, да? Я никогда не доделываю домашнее задание, у меня не получается.

– Ну-ка, послушай меня, сынок. Некоторые вещи тебе делать труднее, чем другим детям, но ты не глупый.

Джордж кивнул.

– Ты особенный. – Я улыбнулась сыну.

– Я не хочу быть особенным. Я хочу быть таким, как все.

Я взяла его за руку, и мы поднялись наверх. Я положила его в постель.

– Обещай, что скажешь мне, если Джейсон снова будет тебя так обзывать. Ладно?

Он кивнул.

«Джордж, ты никогда не лги», – сказала я когда-то ему, когда он украл из моего кошелька десять фунтов, чтобы купить лего.

«Почему?» – так невинно спросил он.

«Потому что это обижает тех, кого ты любишь. После этого им трудно тебе верить».

Но ведь так и есть, – подумала я, целуя его перед сном. Маленькая ложь множится и становится большой. Ох, если бы я с самого начала сказала Финну правду.

Глава 7

– Это ведь не твоя куртка, – заметил Кларки. Он вышел из дома следом за мной и смотрел, как я отпираю замок на велосипеде. Я собиралась встретиться с Финном и Кристо и вместе с ними развезти рекламные листки по Кембриджу. Моросил дождь, ветер усилился, поэтому я надела худи с капюшоном, которую мне дал Финн. Об ее возвращении речь как-то не заходила; по нашему молчаливому согласию я оставила ее у себя.

– Финна, – спокойно сказала я.

– Он уже делится с тобой своей одеждой?

– Только худи. Ладно, мне пора.

– Ты прыгнешь с крыши многоэтажного дома, если он тебя попросит? – спросил Кларки. – Ты с ума сошла.

– Безумная страсть вытворяет с людьми странные вещи, – отшутилась я.

* * *

Финн, Кристо и я ездили по Кембриджу и раздавали сотни рекламных листовок. Кембридж был город велосипедов; всюду можно было услышать тиканье велосипедных колес по мощным булыжникам мостовым.

Мы разделились; парни собирались заезжать в каждый колледж и вешать листовки на всех досках объявлений, а также прикреплять их скотчем к черным железным уличным ограждениям. А я заходила в кафе и бары, в магазины одежды и книжные, где бывали студенты. Некоторое количество я отвезла к ларькам, торговавшим кембриджскими сувенирами, старыми пластинками, книгами и ночными рубашками, которые хлопали на ветру.

Вечером мы с Финном встретились в переулке возле Кингс Парейд; там в подвале большого здания с расписанными радугой стенами было маленькое кафе. Мои ноги и пятая точка болели от долгой езды.

– Надеюсь, мы не зря потратили время, – сказал Финн.

– Все будет нормально, – попыталась я успокоить его.

Он играл спичечным коробком.

– Нормально? Кому это нужно? Что, если никто не придет? – Он вынул из кармана мятую пачку сигарет. – Но ты ведь придешь, правда? – Он затаился, и на его щеках образовались впадины. Потом погасил сигарету так же быстро, как и зажег. Я впервые видела его таким неуверенным в себе, и это шло ему почти так же, как и уверенный вид.

– Вообще-то, я не собиралась.

У него дрожали руки, и на этот раз я накрыла их своими руками.

– Все будет фантастически хорошо, и я, конечно, приду.

– Джози, я не смог бы сделать все это без тебя.

Тут к нам подошел Кристо, и мы тут же отдернули руки. Казалось, за нами кто-то наблюдал сверху. Как только мы делали попытку сблизиться, нас тут же отбрасывали в разные стороны.

* * *

И вот настал четверг, день открытия клуба. Проснувшись, я тут же отбросила одеяло, схватила полотенце и пошла в ванную, надеясь, что она свободна. Но нет, дверь была заперта. Я подергала ручку.

– Ты когда выйдешь? – крикнула я, приплясывая на месте. Стоять в коридоре было холодно.

– Подожди, – сказал Кларки. Дверь открылась. – Что с тобой?

– День сегодня хороший.

– Точно, – ответил он, пожимая плечами. – Еще один день, когда можно класть на полки рождественские карточки. Эге. Мой отец гордился бы этим. – Он выставил большой палец и прошел мимо меня.

Родители Кларки, особенно отец, пришли в ярость, когда их сын решил сделать на год перерыв в учебе. Их поколение не позволяло себе ничего подобного; они упорно учились. Перед отъездом в Кембридж я посоветовала Кларки проявить характер и сообщить отцу, что он хочет путешествовать и посмотреть мир, ведь он почти ничего не видел, кроме Дорсетских холмов.

– Я сказал ему, – сообщил мне через несколько часов Кларки, стоя на пороге; его волосы намокли от дождя. Я позвала его в дом и провела на теплую кухню.

– Что он сказал?

– Что он разочаровался во мне.

Я возмутилась и со стуком поставила на стол кувшин.

– Да как он смеет так говорить! Извини, Кларки, я понимаю, это твой отец, но ведь он просто чертов зануда и деспот. Сейчас я пойду и выскажу ему все, что думаю о нем.

Я сдернула куртку с вешалки, но тут почувствовала, как на мое плечо легла его рука.

– Не надо. Мне это не поможет.

– Но ведь ты не должен это терпеть.

Теперь мне на плечи легли обе руки; Кларки посмотрел мне в глаза.

– Я и не буду. Я поеду в Кембридж вместе с тобой.

В тот вечер мы с Кларки проговорили допоздна. Мы сидели на террасе. Был ясный летний вечер, небо усыпано звездами.

– Я буду скучать по дому, – вздохнула я. – Когда мы уезжаем из него, все меняется, ничего не остается прежним. Это конец одной эры.

– Мне не терпится начать следующую, – улыбнулся Кларки. – Отец послал меня в жопу и сказал, что он не для того учил меня музыке, чтобы я болтался по Европе.

– Какая прелесть.

– Я еще никогда не слышал, чтобы отец говорил слово «жопа». – Мы расхохотались. – Давай. За нас, – сказал Кларки, и мы подняли стаканчики с водкой. – За нас с тобой, за нашу дружбу, а также за то, чтобы мы славно поболтались по Европе.

* * *

– Какие у тебя планы на вечер? – спросил он, когда я шла в теплом банном халате по коридору в свою спальню.

– Сегодня открывается клуб Финна. Первый вечер, – ответила я и закрыла дверь спальни.

Через несколько секунд я схватила полотенце и прикрылась им.

– Кларки! Стучать надо!

– Я уже видел тебя голую и раньше. – На его лице появилась улыбка.

– Когда мы в пятилетнем возрасте сидели с тобой в надувном бассейне? Это не в счет.

– Ты проводишь с Финном слишком много времени, – проговорил он почти с обидой. – Мне казалось, что у него есть девчонка.

Он явно хотел испортить мне настроение.

– Возможно, и есть, но ведь мы не делаем ничего плохого. Просто весело проводим время, вот и все. – Я посмотрела на Кларки и невольно добавила: – Тебе тоже не мешает попробовать. – И закрыла за ним дверь.

– Поверь мне, я знаю, о чем думают мужчины, – крикнул он.

Я знала, что Кларки стоял за дверью и злился.

– Кстати, – сказала я, приоткрыв дверь настолько, чтобы отдать ему пачку оставшихся рекламков, – ты можешь раздать эти листки в музей? И говори всем, что вечера начинаются сегодня. Заранее благодарю.

* * *

В конце дня я накрыла все столы к ужину и повесила передник на заднюю стенку кухни. Потом услышала:

– Джози! – громко позвал меня Момо.

О господи, что я сделала не так? Я вышла из кухни в зал.

– Что, Момо?

– Иди сюда, – велел он, и я прошла следом за ним к угловому столику. – Что ты видишь?

Я подошла к итальянским подставкам, чтобы убедиться, что они не перевернуты. Все было на месте.

– Ничего не вижу. По-моему, все правильно, Момо, – неуверенно сообщила я.

Он похлопал меня по плечу огромной рукой.

– Я тоже не вижу. Молодец.

Он пошарил в кармане своего фартука и протянул мне бурый конверт с моим жалованьем. На обороте конверта всегда было что-то написано. Например, в последний раз там было: «Пожалуйста, завязывай свои волосы сзади, чтобы они не попали в суп». Но на этот раз он сказал:

– Спасибо, Джози, ты хорошо работаешь.

Домой я катила на велосипеде, окрыленная его похвалой и предвкушая предстоящий вечер.

* * *

Я приняла ванну и поставила Мадонну. Перед тем как одеться, в трусиках и лифчике, я почему-то зашла в комнату Кларки. Там было темно, цветочные шторы задернуты. Его инструмент стоял в углу у окна, на полу валялись нотные листы. Черный скрипичный футляр лежал на кровати рядом со старым кожаным портфелем, теперь сильно потертым, где хранились ноты и книги. Мне до сих пор нравился его запах.

– Что ты делаешь? – раздался голос за спиной.

Я повернулась. На моем лице запеклась косметическая маска, похожая по цвету на компост. Он заморгал.

– Кларки! Что ты делаешь? – воскликнула я.

– Это я должен спросить у тебя – что ты тут делаешь? Что-то вынюхиваешь? – На нем был темный пиджак, белая рубашка и какие-то новые джинсы, которых я у него не видела, с темно-коричневым кожаным ремнем. Поэтому он выглядел по-другому.

– Нет, мне показалось, что я услышала писк летучей мыши. Они любят старые дома.

– Летучей мыши? Ты спятила, Джози?

Я скрестила на груди руки, чтобы хоть как-то прикрыться.

– Куда ты так нарядился?

– Я пойду с тобой, – объявил он. – Хочу встретиться с Финном и посмотреть, что все это значит.

* * *

Мики стоял в дверях и собирал деньги. В честь открытия клуба он подстриг свои длинные волосы и надел галстук в красный горошек.

– Вау, Джози, с тебя денег не берем, – сказал он, когда подошла наша очередь. На мне были черный топ с блестками, джинсы и туфли на каблучке. – А вот твоему приятелю надо платить.

– Ой, Мики, – сказала я, похлопав его по плечу. – Ладно тебе, пропусти его.

– Уговорила. Ступайте. – Он шлепнул нас на руку штемпель с логотипом – зеркальным шаром, и нетерпеливая публика, стоявшая следом за нами в очереди, втокнула нас в клуб.

В зале я увидела Финна. Он сидел в наушниках, на нем были серая майка и джинсы; светлая прядь, вечно падавшая ему на глаза, теперь была окрашена в бордовый цвет. В одной руке он держал двенадцатидюймовую пластинку, в другой сигарету. В зале уже толпились человек восемьдесят. К нему подошла какая-то девчонка и что-то спросила.

– Я так полагаю, это он? – спросил Кларки, приблизив ко мне лицо. – Что-то с волосами у него не то. А как его музыка?

– Не знаю, – рассеянно ответила я.

– Здесь нет бара?

– Тебе придется пойти наверх.

Кларки обвел взглядом полутемный зал. Пахло потом и марихуаной.

– Кто тот парень в мини-юбке? – шепнул он и тут же: – Почему у него пастуший посох? Странно! – Он показал глазами на стоявшего возле нас мужчину, похожего на сорокапятилетнего зануду, коллекционирующего что-то скучное. Тем временем Финна окружили девицы.

– О, у тебя конкуренция, – пробормотал Кларки. Тут перед ним завихлялась блондинка с большим бюстом; серебряные обручи в ее ушах болтались при каждом ее движении. Она потащила Кларки танцевать.

– Ты о'кей? – спросил он меня через плечо.

– Валяй, – ответила я и пошла к Финну, проталкиваясь через толпу.

– Привет! – крикнула ему я; голос мой звучал выше обычного на октаву. – Как дела?

– Джози! Отлично! – ответил он, стараясь перекрычать музыку. – Просто не верится, столько народу!

– Я знаю! Я ведь говорила тебе, что все будет хорошо. Привет, Кристо! – Он помахал мне.

– Это Эд, мой брат-близнец, – с гордостью сообщил Финн. Эд пожал мне руку.

– Привет! Я решил нагряться к брату и посмотреть, что он тут придумал. Но это просто фантастика! – Он кивнул на танцующий зал. – Я слышал, что это ты нарисовала листовки? Ну, круто! – Он был высокий, как и Финн, но отличался от своего брата простотой и открытостью, которых не было у Финна. Я могла представить его в каком-нибудь фильме Уолта Диснея. В это время кто-то опять утащил Финна в сторону. Я видела, как он флиртовал с какой-то девчонкой. О чем я думала? Я его совсем не интересовала.

* * *

Я танцевала с Кларки. Он держал меня обеими руками за талию и прижимал к себе.

– Ты хорошо танцуешь, Кларки, – прокричала я.

– Правда?

– Да!

– Джози?

– У? – Я увидела, что к нам направился Финн.

– Забудь о нем, – сказал Кларки.

– Что?

Финн уже стоял позади Кларки.

– ЗАБУДЬ... О... НЕМ. – Музыка смолкла, и слова Кларки эхом разнеслись по затихшему залу. Кто-то засмеялся. Тут заиграла новая пластинка и помогла снять неловкость.

– Кларки! – прошептала я. – Ты ведь его совсем не знаешь.

Почему он вел себя так? Он не мог испытывать ко мне никаких особенных чувств, верно? Он просто был моим лучшим другом. Мне казалось, что мы оба знали, что не перейдем через эту черту.

– Он приятный, правда? – спросила я.

– Финн Гринвуд, – представился он и пожал руку Кларки. – Как я догадываюсь, я и есть тот самый «он», которого ей надо забыть?

– Я хочу пить, – промямлил Кларки.

Финн отвел меня в сторону. Я прислонилась к стене. Он стоял передо мной, упираясь руками в стену, и я оказалась словно в ловушке.

– Понимаешь, дело в том, что я не могу тебя забыть, – сказал он. Мое сердце радостно забилося. – Это ведь не твой бойфренд, верно?

– Нет. Просто мы с ним живем по соседству. А еще собираемся путешествовать вместе по Европе. – Я замолчала, потому что мне надоело ходить вокруг да около. А то все полунамеки и трепетные касания... – Доминик твоя подруга?

– Нет.

Я не могла скрыть улыбку. Финн схватил меня за руку и повел наверх. Мы вышли на улицу.

– Там слишком шумно, – сказал он, медленно глядя пальцами прядь моих волос. Поцелует ли он меня когда-нибудь или нет? И вот только-только его губы приблизились к моим... – Что ты наденешь? – спросил он.

– Когда? – удивленно спросила я. Он поднял брови.

– На нашем первом свидании в эту субботу, в семь тридцать. Я зайду за тобой.

– Черное кружевное платье устроит? Полупрозрачное? – спросила я. Правда, у меня не было такого платья.

– А нижнее белье какое? – Он почти улыбался. – Ну, понимаешь, если платье полупрозрачное, ты должна подумать о нижнем белье.

– Подожди и увидишь, – ответила я, окончательно растерявшись. В моих ушах все еще звучала громкая музыка.

Я нацарапала ему на руке свой адрес.

– Пожалуй, я пойду. Кристо без меня трудно. – Он направился в ресторанчик.

– Ты знаешь, где это? – крикнула я ему вслед. – Там голубая дверь, а рядом... – Я стояла на верхней ступеньке.

Финн резко повернулся ко мне.

– Не надо облегчать мне задачу. Я найду тебя.

Глава 8

Я сидела в нашем офисе, устроенном по новой моде, без перегородок. На экране моего компьютера были почтовые марки разных стран, обложка паспорта и слова «Познай Мир Возможностей». Мне предстояло придумать постер для школы иностранных языков и предложить на выбор по крайней мере три варианта.

Ночью, вернее, в четыре утра, мне наконец-то удалось заснуть.

Теперь надо было как-то ухватиться за реальность. Зачем мне говорить что-то сейчас? Все, что бы я ни сделала, обидит Финна. А мне это надо? Раз я солгала насчет Кларки и меня, тогда сколько раз еще я могла ему лгать? Вот что он подумает и больше никогда не сможет мне доверять. Представляю, как тяжело нам будет, не говоря уж о том, как трудно будет нам с Кларки сохранить после этого дружбу. Любое прикосновение, объятие, поцелуй в щеку будут толковаться Финном пристрастно, потому что он будет усматривать в этом повод для недоверия. Я превращусь для него в такую же ветреную особу, как его мать. Вряд ли он когда-нибудь простит меня.

Я не допущу, чтобы мое семейное благополучие вот так внезапно накренилось. Все это в прошлом и должно там и остаться.

Тиана ничего не скажет Финну. Остается только Кларки, и я знаю, что он будет молчать.

Сколько сейчас времени? В половине четвертого я должна забрать Джорджа из школы. Обычно в те три дня, когда я бывала на работе, его забирала наша соседка Роза Биллингем. Джордж называл ее «миссис Б.». Она гуляла с Рокки и присматривала за Джорджем, как за родным внуком. Благодаря ей я смогла пойти работать. Но что важнее всего, она была одна из немногих людей, которые понимали Джорджа и умели держать его под контролем. «Я не позволю ему дурью маяться», – часто говорит она. И Джордж ее слушался и уважал.

Никогда не забуду нашу первую встречу. Она произошла год назад, когда мы с Финном переехали в Шепердс Буш. Он получил повышение, став ординатором, ему прибавили денег, и мы наконец решились и купили наше первое жилье, с тремя спальнями, в доме рядовой застройки. Мы с Финном хорошо помним ту минуту, когда вошли в наш дом. Стеклопакеты двери гостиной открывались в лоджию, а на кухне была стильная сланцевая половая плитка и марокканский кафель на стенах. В общем, восхитительное ощущение простора и света. Когда мы распаковывали коробки и решали, что, куда и как, раздался стук в дверь. Я увидела седую копну волос, частично прикрытую зеленым капюшоном с меховой оторочкой.

– Привет, я Роза Биллингем. Живу рядом. Я подумала, что вам понравится моя лазанья, – это было сказано с заметным ирландским акцентом. Роза вошла к нам с большим оранжевым глиняным блюдом и поставила его на плиту с таким властным видом, словно она была тут хозяйка.

Я поблагодарила ее и предложила чашку чая.

– Только не этот дурацкий «Эрл Грей». Мне, пожалуйста, покрепче.

Она сняла с себя парку и осталась в облегающей белой блузке с рюшами, черных брюках в тонкую полоску и ярко-красных сапогах на танкетке. Сначала я увидела все это и лишь потом рассмотрела ее лицо с резкими чертами, обрамленное длинными седыми волосами, в которых виднелась странная светло-русая прядь, как-то не сочетававшаяся с сединой. Еще у нее были невероятно голубые глаза, сиявшие будто яркие звезды на темном небе. Джордж моментально заинтересовался нашей гостьей.

– Вау! Какие у вас волосы! У вас, наверное, очень старые родители?

Финн перестал возиться с коробками, когда увидел Розу.

– Ну, должно быть, ты хозяин этого дома, – сказала она, подмигивая ему. – Роза Биллингем.

В его глазах вспыхнул интерес.

– Финн, – представился он.

– Ну, вы и парочка. Высокие до небес. Чем занимаешься, Финн?

– Я врач.

– О! Терапевт? – Она оживилась и была явно впечатлена.

– Нет, я всего лишь ординатор.

– Всего лишь ординатор? По-моему, это замечательно. Какая специализация?

– Кардиология.

– Дела сердечные, значит. Я готова поклясться, что ты разбил немало сердечек, – сказала она и подмигнула; он подмигнул ей в ответ. Роза устроилась на диване.

– Мой муж Майкл был волонтером в «Сердечном милосердии» – знаете, для молодых страдальцев. Он объехал много больниц, изучил новейшие технологии по предотвращению сердечных приступов. По иронии судьбы он скончался от одного из них, – печально сообщила она. – Теперь я держу под контролем свой уровень холестерина и больше не ем макароны с сыром.

* * *

В офисе зазвонил телефон.

– «Джем Комьюникейшнс», – сказала Натали со своим медленным южноафриканским акцентом, от которого клонило в сон. Натали мне нравилась. Она была молоденькая, с нежными, как у ягненка, манерами, но за ними крылась стальная хватка. Я уже знала, что она любила кататься на роликах в Гайд-парке, а «Скорая помощь» – ее любимый сериал на больничную тему. У нее было бледное и чистое личико, на котором ярко выделялись миндалевидные глаза, и аккуратная короткая стрижка. Она носила серебряную цепочку с жемчужным сердечком – прощальный подарок матери. Иногда я замечала, как она прикасалась к сердечку, глубоко задумавшись, словно тайком разговаривала с матерью.

– Это Финн, – сообщила она.

Я перестала тасовать карточки в Ролодексе и взяла трубку.

– Я не приду в школу на постановку, – торопливо сообщил он.

Я огорчилась, но у меня все же имелся запасной вариант.

– Не беспокойся. Придет Тиана.

– Прекрасно. Пожелай Джорджу удачи, хорошо? Извини, дорогая. – Он быстро положил трубку.

Я взглянула на часы.

– Черт. Мне надо идти.

Снова зазвонил телефон.

– Ступай, пока Руби не вернулась, – поторопила меня Натали.

Я сложила все необходимое в сумку, выбросила в корзину пустую коробку из-под сэндвичей и быстро навела порядок на столе. Тут в офис приковыляла Руби в серой юбке, самой узкой, какие я когда-либо видела, и с метровым разрезом на правом боку. Буфера грозили выскочить из тесной белой блузки или вырвать с мясом пуговицы.

– Ты уходишь? – Она посмотрела на часы, болтавшиеся на золотом браслете.

– Сегодня у моего сына в школе спектакль, мне нужно бежать. – «Бежать» – слово, которое часто использовала сама Руби.

– Я не видела записи об этом в твоём бизнес-плане. – Она села и тут же застучала по клавиатуре компьютера своими наманикюренными ногтями. – Ладно, ступай. Желая приятно провести время. – Она скупой улыбнулась и тут же строго поджала губы.

– Спасибо. Я отработаю, – поторопилась сказать я.

– Джози, на носу Рождество! Когда ты успеешь? Но на следующий год мы наверстаем все до минуты. Это касается и тебя, Натали. – Она засмеялась. – Я потребую, чтобы вы обе работали на сто десять процентов, постоянно.

Натали съежилась за большой бутылкой воды «Эвиан». Зазвонил телефон.

– «Джем Комьюникейшнс», Руби Голд слушает... О, Стив, привет! У-гу... – Она энергично кивала. – Угу.

Я поглядела на дверь.

– Ты оценил каламбур? Джем и Руби, самоцвет и рубин, точно! – Она засмеялась и так резко дернулась в своем кресле, что мне послышался треск рвущейся юбки.

Я поскорее улизнула из офиса. Что она скажет, когда узнает о моей беременности? Пожалуй, в сотый раз за этот день я помчалась рысью к лифту по голубому ковру.

– Сбавь скорость, Джози! – крикнула мне Диана, секретарша. – Добегаешься до сердечного приступа!

– У меня муж кардиолог. Он меня вылечит.

* * *

В школьном зале уже гасли огни. Я ждала Тиану, крестную Джорджа. В эти дни Тиана была свободна; она только что распрощалась со своей работой в Сити, в агентстве по трудоустройству, устав от длинного рабочего дня, из-за которого у нее не складывалась личная жизнь.

– Приключилась странная штука, – объяснила она нам с Финном месяц назад за ужином. – Фотография, где мы с боссомжимаем друг другу руки... та, прошлогодняя, когда я завоевала приз, наняв на работу за календарный год больше всех... ну, так она упала с полки, и рамка разлетелась на куски.

– Ты что, ушла с работы, потому что опрокинула рамку с фотографией?

– Я вообще не дотрагивалась до нее! В том-то и дело, – сказала Тиана.

– Прикман, ты так успешно работала. Ты просто сошла с ума, если увольняешься из-за суеверия.

Тиана улыбнулась, но я разглядела обиду, что ее не воспринимали всерьез.

– Я знаю, чувствую вот тут, – она постучала по сердцу, – что поступаю верно. Что-то подсказывает мне – надо уходить с этой работы. Вот увидите, я найду что-нибудь поинтереснее. Пора мне использовать мои лингвистические способности. – Тиана бегло говорила на испанском и итальянском.

* * *

Учительница музыки миссис Льюти, сорокалетняя особа с длинным, тонким носом, играла на пианино с каменной серьезностью рождественские гимны, и ее широкие передние зубы, казалось, торчали изо рта еще сильнее. Несмотря на то что ей еще не было и пятидесяти, голова у нее была совершенно седая.

Как я жалела, что рядом не было Финна. Он бы посмеялся, а когда Финн смеется, я тоже не могу остановиться. На последних родительских собраниях мы с ним без умолку хихикали, и он сжимал мне коленку, призывая к порядку. Вот что мне всегда нравилось в нем. Он хотел, чтобы Джордж был не хуже других, но все же не принимал школьные заморочки всерьез, тогда как другие родители уже записали своих деток в старшие классы.

Родители уже заполняли ряды и готовили свои цифровые камеры. Я услышала торопливые шаги. Тиана влетела в зал с хозяйственными сумками в обеих руках.

– Черт побери, – сказала она, положив мне на плечо потную руку. – Никогда не думала, что сидеть дома и не работать так утомительно! – Она плюхнулась рядом со мной на деревянный стул и стала обмахивать разгоряченное лицо программкой. Свои маленькие ноги она высвободила из туфель, и я увидела, какая у нее безукоризненная стопа. Впервые я стала замечать, какая Тиана хорошенькая, когда ей стукнуло шестнадцать. Тогда она убрала от лица волосы, а ее кожа очистилась от прыщей с помощью травяных лосьонов и кремов. Мама говорила, что она, с ее светлыми волосами и ясными голубыми глазами, хороша собой, словно экзотическая птица.

– Я козерог, солнечный знак с восходящим скорпионом, – серьезно объяснила она мне однажды.

– Что это означает?

– Что у меня выразительные глаза.

Она была намного ниже меня, с деликатными руками и ногами, и я всегда завидовала ее носу, маленькому и аккуратному, как у девочки.

– Ах, теперь хорошо. – Ее щеки покраснелись от холодного зимнего ветра. На ней были ярко-розовое замшевое пальто, белые джинсы и меховой шарф, застегнутый на сверкающую зеленую брошь.

– Что ты купила? – Я заглянула в одну из сумок.

– Эти вот джинсы. – Они были узкие и белые. – У меня не было времени их снять. – Жизнь у Тианы всегда напоминала скоростную гонку. – Вот, гляди, я купила павлинье перо; оно пойдет к моим волосам.

– О-ох! – Я вздохнула, пораженная красотой пера, и поднесла его к своему лицу. – Я тоже хочу такое.

– Сделано в Портобелло. Договоримся, за пятак тебе продам, – пообещала она, подтолкнув меня локтем. – Сегодня вечером я встречаюсь с Беном... по фамилии... Шатлкок.

– Прикман и Шатлкок? – Я пожала плечами.

– Небольшая разница, правда? – сказала Тиана. Мы засмеялись. – Вообще-то, я не собираюсь выходить за него.

– Почему? – спросила я, подняв брови. – Ты ведь все равно найдешь себе мужа рано или поздно. Так почему бы тебе не остановиться на мистере Шатлкоке?

Наконец миссис Льюти перестала играть. Красный занавес задернули. Голоса зрителей постепенно затихли, и наступила полная тишина. Я заранее напряглась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.